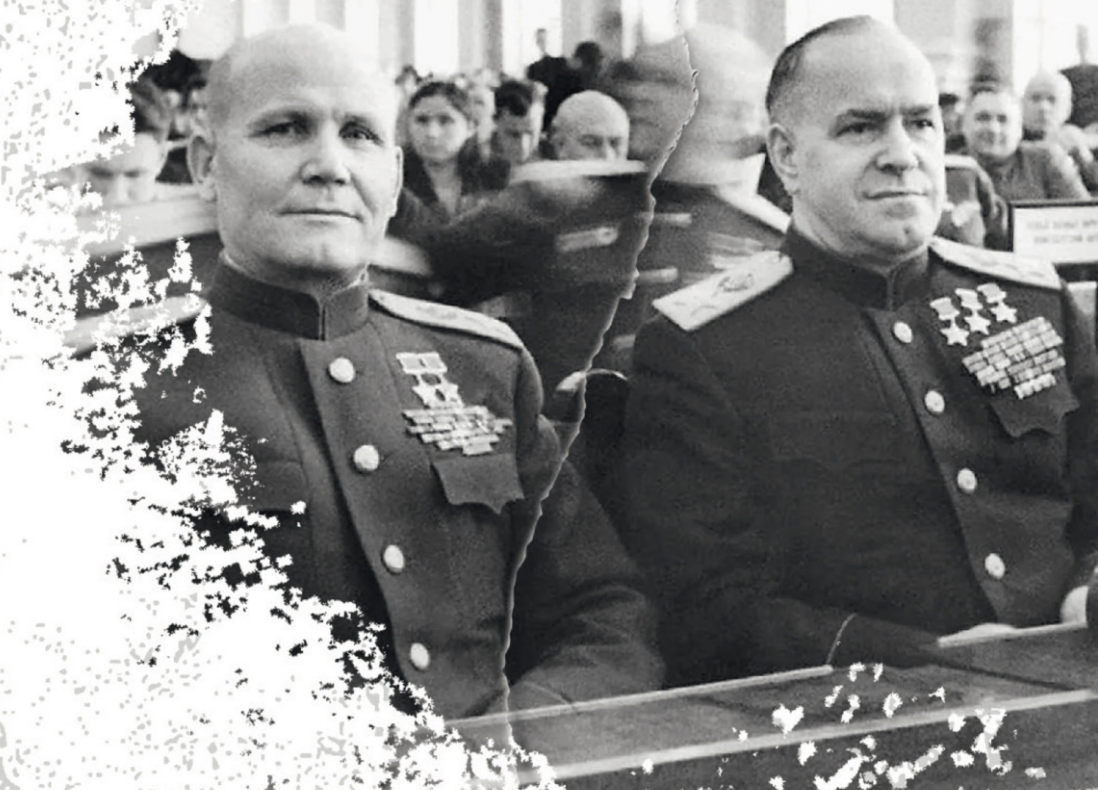

**1941-1945
ВЕЛИКАЯ
И НЕИЗВЕСТНАЯ
ВОЙНА**

В.А. Рунов

КОНЕВ ПРОТИВ ЖУКОВА

Поединок маршалов

1941–1945. Великая и неизвестная война

Валентин Рунов

**Конев против Жукова.
Поединок маршалов**

«ВЕЧЕ»

2020

Рунов В. А.

Конев против Жукова. Поединок маршалов / В. А. Рунов —
«ВЕЧЕ», 2020 — (1941–1945. Великая и неизвестная война)

ISBN 978-5-4484-8523-7

Книга рассказывает о негласном соперничестве двух выдающихся советских военачальников – Маршалов Советского Союза Г.К. Жукова и И.С. Конева. Это соперничество искусно подогревалось И. Сталиным и максимально проявилось в последние месяцы Великой Отечественной войны, когда войска маршалов наперегонки рвались к Берлину. Автор сравнивает жизненный путь двух полководцев и обстоятельства их военной карьеры и делает вывод – кто же был самым успешным военачальником Советского Союза в 1941–1945 гг.

ISBN 978-5-4484-8523-7

© Рунов В. А., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Введение	6
Глава первая. Становление	9
Начало пути	9
Декабрьское совещание 1940 года	12
Большая стратегическая игра	16
«Превентивный» удар Жукова	20
Глава вторая. Время суровых испытаний	27
Тяжелое начало	27
Во главе западного фронта	33
Первая опала И.С. Конева	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валентин Рунов

Конев против Жукова. Поединок маршалов

© Рунов В.А., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Введение

После завершения Великой Отечественной войны и особенно после развенчания культа личности И.В. Сталина историки и литераторы начали наперебой поднимать вопрос о личном вкладе в дело Победы конкретных государственных и военных деятелей, многие из которых в то время еще были живы. В числе первых был поставлен вопрос о Г.К. Жукове и И.С. Коневе. Ветераны 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов спорили о том, кто из них поставил окончательную точку в деле разгрома фашистской Германии.

Безусловно, ведущая роль Г.К. Жукова в Великой Отечественной войне признавалась всеми. Но было много тех, кто считал, что своим заслугам Георгий Константинович обязан не выдающемуся таланту полководца, а своим служебным положением и жестким методам управления. В том месте советско-германского фронта, где он появлялся, как правило, готовилось наступление и туда Ставкой направлялись значительные резервы. Поставленные задачи Г.К. Жуков выполнял, не считаясь с людскими потерями. Поэтому салюты Москвы в честь одержанных им побед были одновременно и траурными салютами по погибшим.

И.С. Конев в годы Великой Отечественной войны по служебному положению стоял несколько ниже Г.К. Жукова, который был первым заместителем и членом Ставки Верховного главнокомандования. Но в это трудное для страны время он дольше других военачальников командовал фронтами, которые находились на решающих направлениях военных действий, а это значит, был непосредственно ответственным за успехи и неудачи конкретных операций. Поэтому у военных историков всегда были основания для анализа военного искусства И.С. Конева на конкретных примерах со всеми вытекающими из этого выводами. И то, что самые ответственные периоды Великой Отечественной войны Г.К. Жуков и И.С. Конев всегда оказывались рядом, давало основание утверждать, что Иван Степанович по уровню полководческого мастерства ничем не уступал Георгию Константиновичу и по ряду моментов даже превосходил его.

Безусловно, обоих полководцев всегда интересовало то, как к ним относится руководство страны. Во времена И.В. Сталина от этого напрямую зависела не только карьера, но и жизнь человека. Каждый крупный чиновник, как гражданский, так и военный, должны были соответствовать требованиям того времени. Совсем другое дело – мнение подчиненных. И.С. Конев намного раньше Г.К. Жукова начал задумываться над этим. В результате лично обиженных командующим среди генералов и высших офицеров на возглавляемых им фронтах было намного меньше, чем у Г.К. Жукова.

Резкость характера и поведения Г.К. Жукова стали результатом «трофейного дела», которое сильно подпортило карьеру и авторитет маршала. Стяжательство в крупных размерах считалось недопустимым в условиях разоренной войной страны. И.С. Конев несколько не был уличен в таком «грязном» деле. Поэтому неудивительно, что в период с 1946 по 1950 год Иван Степанович, являясь главнокомандующим Сухопутными войсками, был непосредственным начальником для Г.К. Жукова, который в это время командовал войсками одного из военных округов.

События, произошедшие в СССР после смерти И.В. Сталина, способствовали возвращению Г.К. Жукова на вершины политической власти страны. Но в это время также высоко поднялся и И.С. Конев. Первый стал министром обороны СССР, второй – главнокомандующим Объединенными вооруженными силами стран Варшавского Договора. Оба – члены Центрального комитета КПСС... Но октябрьский пленум ЦК КПСС поставил жирную точку в служебной, государственной и партийной карьере Г.К. Жукова, на долгие годы превратив этого амбициозного и деятельного человека в пенсионера союзного значения, которому оставалось только писать мемуары.

И.С. Конев после 1957 года продолжал оставаться в строю еще 15 лет, занимая ответственные должности. Это было непростое время: хрущевская оттепель, начало брежневских времен, возведение Берлинской стены, Пражская весна 1968 года, начало диссидентского движения в СССР. Постепенно меняются политические ориентиры, отношение к личностям, после долгих лет «забвения» начинает возрождаться образ И.В. Сталина...

И опять дотошные историки будоражат тему, связанную с ролью военачальников в Великой Отечественной войне. К тому времени «доросли» до маршальских званий И.Х. Баграмян, П.Ф. Батицкий, С.С. Бирюзов, К.А. Вершинин, Ф.И. Голиков, А.А. Гречко, М.В. Захаров, П.К. Кошевой, В.И. Чуйков, многие военачальники стали генералами армии. Практически все они писали мемуары и статьи, выступали на конференциях, стремясь высветить в положительном свете свою роль в Великой Отечественной войне. При этом некоторые из них, объясняя причины военных неудач, нередко делали в этом виновными других, в том числе Г.К. Жукова и И.С. Конева. Также предметом обсуждений оставался и личный вклад этих полководцев в дело Победы.

Сразу же нужно сказать, что фактов острых дискуссий по вопросам военного искусства в годы Великой Отечественной войны между Г.К. Жуковым и И.С. Коневым историками не отмечено, поэтому едва ли у кого из них получится раздуть данную тему до состояния острой интриги. Но при этом отдельные «шероховатости» в их отношениях все же имели место. Война и политика – слишком скользкое поле, преодолеть которое, не поскользнувшись, сложно.

В своей книге «Воспоминания и размышления» Г.К. Жуков неоднократно называет имя И.С. Конева, несколько раз описывает отдельные эпизоды, связанные с деятельностью этого военачальника. Но при этом ни хвалебных, ни отрицательных оценок там нет. Точно так же нет многоплановых оценок деятельности Г.К. Жукова в мемуарах И.С. Конева. Вывод один – в период Великой Отечественной войны каждый из этих полководцев целиком и полностью отдавался решению поставленных перед ним задач, не опускаясь до мелочных интриг. Это лучшее качество любого государственного и военного деятеля, и слава богу, что в столь трудное время в нашей стране такие люди нашлись и их было достаточно много.

Но известно, что всякого рода разборки начинаются уже после того, как главное дело завершено, и чем дальше отодвигается данное историческое событие, тем больше появляется людей, желающих со всех сторон обсудить эту тему. Но сравнить между собой Г.К. Жукова и И.С. Конева и им не удалось. Георгий Константинович упорно молчал. Но Иван Степанович оказался более податливым. Однажды он заявил: «Много лет спустя я решил записать для себя события тех далеких лет, чтобы правдиво, на основе фактов оценить роль и деятельность маршала Жукова в период Великой Отечественной войны, отдать ему должное в той работе, которую он выполнял, и отметить те ошибки, которые им были допущены в период пребывания главнокомандующим Группой войск в Германии». Это в очередной раз разбудило аппетиты всякого рода писак, готовых погреть руки на любом деле, возведя его в ранг сенсации.

Признаюсь, приступая к этой книге, я также рассчитывал на многое. До этого я уже писал и о Г.К. Жукове, и о И.С. Коневе, делал анализ проведенных ими операций. Более того, я встречался и с дочерью Георгия Константиновича, и с дочерью Ивана Степановича, с детьми ряда крупных советских военачальников, много времени работал в архивах. За 30 лет работы на кафедре истории военного искусства ведущей военной академии страны я имел возможность не просто разобраться в ходе Великой Отечественной войны, но и, как мне казалось, выявить многие взаимосвязи, обусловившие события этой грандиозной эпопеи. Личности Г.К. Жукова и И.С. Конева практически всегда находились на вершине этих событий, являясь их главными действующими лицами. По своим масштабам это были титаны, истинную величину которых простому человеку понять не только сложно, но и практически невозможно.

Тем не менее я решился взяться за эту работу по нескольким причинам. Во-первых, мне хотелось в очередной раз, семьдесят пять десятилетий спустя, напомнить подрастающему поколению о Великой Отечественной войне и людях, которым мы обязаны Победой и последующей жизнью. Во-вторых, чтобы возвести еще одну преграду на пути фальсификаторов отечественной истории, которых в России и вокруг нее становится с каждым годом все больше. В-третьих, я все-таки хочу высказать свое собственное мнение по вопросам военного искусства в операциях, проведенных Г.К. Жуковым и И.С. Коневым в различные периоды Великой Отечественной войны.

Известно, что история не терпит сослагательных наклонений, а военное дело находится в постоянном развитии. Сегодня нельзя добиться победы, целиком базируясь на опыте операций периода Великой Отечественной войны. Но отдельные его моменты, а особенно методы работы командующих, безусловно, сохраняют свое значение и останутся актуальными и в будущем.

Глава первая. Становление

Начало пути

Начало XX века стало очень сложным и щедрым на события для истории России. Вначале война с Японией, затем – Первая мировая и Гражданская войны. Ни одна из этих войн не была развязана в благо российского общества, зато каждая из них принесла ему неисчислимые страдания. Это в полной мере коснулось и наших героев.

Начало жизненного пути Георгия Жукова и Ивана Конева было во многом схожим. Первый (родился 1 декабря 1896 года) всего на год старше другого (родился 28 декабря 1897 года), оба родились в бедной крестьянской семье, оба начали свою военную службу с нижних чинов во время Первой мировой войны. Но при этом служили по-разному.

Жуков храбро сражался за «царя и Отечество», в строю, а точнее – в седле, выслужил чин унтер-офицера, участвовал во многих боях, был награжден двумя георгиевскими крестами.

Конев в армию был призван весной 1916 года и как грамотный (окончил земское училище) вместо фронта был направлен в Москву, в учебную артиллерийскую команду, готовившую унтер-офицеров. Там он и встретил февральские события 1917 года. На фронте он оказался только летом того же года, но в боевых действиях не участвовал. К тому времени июльское наступление русских армий закончилось провалом. Разложенные различными агитаторами солдаты не хотели воевать, зато они с готовностью митинговали часами. Тогда «революционной горячкой» заболел и Конев. Как грамотный, он читает солдатам газеты, объясняет сложившуюся политическую ситуацию и, как следствие, избирается членом солдатского комитета в своем дивизионе.

Таким образом, унтер-офицер Г.К. Жуков по итогам Первой мировой войны существенно отличался от унтер-офицера И.С. Конева, и прежде всего боевым опытом. Стать георгиевским кавалером было не просто – нужен был личный подвиг на поле боя, засвидетельствованный не только командирами, но и товарищами. А Георгий Жуков за боевые заслуги имел два креста... Такие люди пользовались большим уважением не только у командования, но и у товарищей. Эти два креста, несмотря на наличие многих других наград, Георгий Константинович бережно хранил всю свою жизнь. Он был весьма далек от политики, и не вызывает сомнений, что и дальше верой и правдой служил бы (или трудился) во имя веры, царя и Отечества.

Но произошла Октябрьская революция, которая привела обоих бывших унтер-офицеров под красные знамена. Сразу же нужно отметить, что в октябрьских событиях ни Конев, ни Жуков не участвовали и узнали о них только из газет и от заезжих агитаторов. Вполне понятно, что трудов Маркса, Энгельса, Ленина они не читали и большевиками не были. Но события разворачивались так, что оставаться дольше в прежнем состоянии было невозможно.

Георгий Жуков в Красную армию вступил добровольно в августе 1918 года. Командовал кавалерийским взводом и эскадрой. Также стал членом РКП(б). Окончил краткосрочные кавалерийские курсы. В 1921 году участвовал в подавлении крестьянского восстания в Тамбовской губернии. За боевые заслуги был награжден орденом Красного Знамени. За годы Гражданской войны он стал убежденным большевиком, опытным командиром одного из подразделений Красной армии.

И.С. Конев в феврале 1918 года был демобилизован в связи с роспуском старой армии и возвратился в родное село Лодейкино. К тому времени 21-летний молодой человек уже успел понять перспективы советской власти. Поэтому он ехал домой вовсе не для того, чтобы заняться крестьянским трудом. Уже на следующие сутки после своего приезда Иван Степанович был назначен военкомом Никольского уезда и приступил к формированию частей Крас-

ной армии. Тогда же он вступил в ряды РКП(б) и уже как коммунист и советский служащий был избран делегатом на V Всероссийский съезд Советов и направлен в Москву. После этого в родные места Конев уже не возвратился. Он участвовал в подавлении восстания левых эсеров, а затем был направлен на Восточный фронт, где войска молодой Красной армии вели борьбу с белогвардейцами и примкнувшими к ним чехословаками. Там он был комиссаром бронепоезда, стрелковой бригады. В 1921 году, являясь делегатом X съезда РКА(б), участвовал в подавлении восстания в Кронштадте.

Таким образом, Гражданская война выдвинула Г.К. Жукова и И.С. Коневу в число командиров Красной армии, активно сражавшихся за советскую власть, как с белогвардейцами, так и с представителями народа, восставшими против этой власти. Но если первый начал свою карьеру в Красной армии по командной линии, то второй шел по партийной линии. И это наложило серьезный отпечаток на всю их последующую жизнь.

Также показательно и то, что И.С. Конев с Дальнего Востока на X съезд партии почти месяц ехал в одном купе с другим комиссаром, Александром Булыгой, который в последующем стал известен как писатель Александр Фадеев. Затем они вместе участвовали в подавлении Кронштадтского восстания, а по возвращении в Москву в Свердловском зале Кремля сфотографировались с В.И. Лениным. Иван Степанович до конца своей жизни очень гордился этим снимком...

Заслуги перед советской властью в годы Гражданской войны позволили Г.К. Жукову и И.С. Коневу остаться в рядах Красной армии, несмотря на то что численность ее была сокращена почти в 10 раз. Более того, оба были назначены на вышестоящие должности. Более того, И.С. Конев назначается комиссаром штаба Народно-революционной армии Дальневосточной Республики и рядом с В.К. Блюхером способствует установлению советской власти на Дальнем Востоке.

В июне 1924 года И.С. Конев был переведен в Московский военный округ и назначен комиссаром и начальником политотдела стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в Нижнем Новгороде. В это время Г.К. Жуков командовал кавалерийским полком, учился в Ленинграде в Высшей кавалерийской школе вместе с К.К. Рокоссовским, И.Х. Баграмяном, А.И. Еременко. И.С. Конев также в середине 20-х окончил Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе. На этих курсах вместе с ним учились будущие маршал Бронетанковых войск П.С. Рыбалко, генерал армии Г.К. Маландин, генерал-полковники И.В. Болдин и Г.М. Штерн.

После окончания учебы на курсах Г.К. Жуков продолжает карьеру по командной линии. В 1930 году он повышает свою квалификацию на Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии имени М.В. Фрунзе, затем командует кавалерийскими бригадой, дивизией, корпусом в Белорусском военном округе.

И.С. Конев, также стремясь повысить свою теоретическую подготовку, в 1934 году оканчивает Военную академию имени М.В. Фрунзе, после чего также направляется в Белорусский военный округ, где командует дивизией.

В те дни «военные тучи» сгустились над Дальним Востоком, где японские милитаристы, сосредоточивают в оккупированной ими Маньчжурии на границах Советского Союза огромную армию, совершают одну военную провокацию за другой.

В 1937 году последовал вызов к наркому обороны, и Конев направляется в Монголию. Там он становится командиром особого корпуса. В 1939 году его назначают командующим 2-й Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией, а в 1940 году генерал-лейтенант И.С. Конев становится командующим войсками Забайкальского военного округа.

Комкор Г.К. Жуков, продолжая службу в Белорусском военном округе, в 1938 году назначается заместителем командующего по кавалерии. В то самое время, когда И.С. Конев уехал из Монголии, Георгий Константинович приезжает туда в качестве командующего группиров-

кой советских войск на территории этой страны. Победа над японцами на реке Халхин-Гол стала звездным часом в биографии Г.К. Жукова, ему было присвоено звание Героя Советского Союза, а воинское – командарма 2-го ранга.

В апреле 1940 года Г.К. Жуков и И.С. Конев встретились в Москве на совещании высшего начальствующего состава РККА, на котором обсуждались итоги советско-финляндской войны. На этом совещании впервые в весьма категорической форме было заявлено о недостатках в подготовке командиров, штабов и войск, которые негативно повлияли на ход военных действий, и были поставлены задачи по их устранению. Вместо К.Е. Ворошилова наркомом обороны был назначен С.К. Тимошенко. Г.К. Жуков был назначен командующим Киевским особым военным округом, И.С. Конев – Забайкальским военным округом.

Таким образом, в начале своего карьерного пути в РККА Г.К. Жуков и И.С. Конев практически шли параллельно, но не пересекаясь друг с другом. Правда, на завершающем отрезке этого пути Георгий Константинович сделал определенный «рывок» вперед, став Героем Советского Союза и всенародно признанным героем Халхин-Гола, а И.С. Конев не мог похвастаться наличием такого боевого опыта. У обоих в то время были хорошие партийные биографии, несмотря на то что в разное время они служили и тесно общались с различными «врагами народа». В результате оба военачальника входили в состав высшей военной элиты Советского Союза, который стоял на пороге серьезных испытаний.

Декабрьское совещание 1940 года

В конце декабря 1940 года в Москве состоялось очередное совещание высшего начальствующего состава РККА, на котором подводились итоги подготовки Красной армии в том году и определялись задачи на будущий год. На нем присутствовал весь руководящий состав Наркомата обороны и Генерального штаба, начальники центральных управлений, командующие, члены военных советов, начальники штабов военных округов и армий, начальники военных академий, генерал-инспекторы родов войск, командиры некоторых корпусов, дивизий – всего более 270 человек. Г.К. Жуков и И.С. Конев также присутствовали на этом совещании.

К тому времени в Европе уже более года полыхала Вторая мировая война и шел интенсивный передел мира. Войска Германии в ходе блестящих молниеносных операций разгромили польские войска и оккупировали большую часть территории этой страны, захватили Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Люксембург, нанесли поражение англо-французским войскам во Фландрии и оккупировали северную и центральную часть Франции.

В это же самое время Красная армия в результате «освободительных» походов отторгла от Польши области Западной Белоруссии и Западной Украины, нанесла поражение Финляндии и овладела частью территории этой страны и, наконец, в результате политической игры получила Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину. В итоге к концу 1940 года на карте Европы четко выделились два гигантских государства, каждое из которых прочно опиралось на тоталитарную идеологию, мощные вооруженные силы и претендовало на мировое господство. На действия А. Гитлера и И.В. Сталина в оцепенении смотрел весь мир, со страхом ожидая дальнейшего развития событий.

На повестку дня было вынесено пять главных вопросов: итоги и задачи боевой подготовки войск, ВВС и оперативной подготовки высшего начсостава; наступательная операция; оборонительная операция; действие танков при прорыве обороны противника и использование авиации. Пятым вопросом был доклад бывшего генерал-инспектора пехоты А.К. Смирнова на тему «Бой стрелковой дивизии в наступлении и обороне».

С докладом по первому вопросу выступил начальник Генерального штаба Красной армии генерал армии К.А. Мерецков. В начале своего выступления он напомнил о недостатках, выявленных при подведении итогов советско-финляндской войны. Рассмотрев ряд вопросов тактического характера, начальник Генерального штаба перешел к проблемам оперативного значения. «Опыт последних войн, учений и полевых поездок показал недостаточную оперативную подготовленность и военную культуру высшего командного состава, войсковых, армейских, фронтовых и особенно авиационных штабов, – отметил он. – Этим вопросом раньше не занимались. Основной тормоз в том, что в течение многих лет отсутствовали указания по вождению крупных современных соединений... Неясно было, как требуется применять крупные авиационные и механизированные соединения, куда направлять главные усилия авиации – на обеспечение войск или на самостоятельную операцию, или то и другое делать в меру необходимости».

Из данного признания начальника Генерального штаба следовало, что на конец 1940 года вопросы применения объединений и крупных соединений Сухопутных войск и ВВС, несмотря на горькие уроки советско-финляндской войны и имевшийся опыт освободительных походов советских войск 1939–1940 годов, оставались открытыми. Главная задача данного совещания как раз и сводилась к получению ответов на эти вопросы.

В развитие доклада К.А. Мерецкова выступили генерал-инспектор пехоты РККА генерал-лейтенант А.К. Смирнов, начальник управления боевой подготовки РККА генерал-лейтенант В.И. Курдюмов, генерал-инспектор артиллерии РККА генерал-лейтенант М.А. Парсегов, начальник Главного автобронетанкового управления РККА генерал-лейтенант Я.Н. Федо-

ренко, помощник начальника Генерального штаба по ВВС генерал-лейтенант Я.В. Смушкевич и другие.

Собравшиеся генералы внимательно слушали выступавших, чутко реагируя на каждое замечание в адрес подведомственных им войск и служб. Но это была только давно установившаяся традиция. В душе каждый ждал главного – определения конкретных задач на ближайшее будущее.

Утром 25 декабря на трибуну поднялся невысокий бритоголовый генерал с золотой звездой Героя Советского Союза на груди. Это был командующий войсками Киевского Особого военного округа генерал армии Г.К. Жуков. Было объявлено, что он сделает доклад на тему «Характер современной наступательной операции» на основании опыта боевых действий советских войск на реке Халхин-Гол и в войне с Финляндией.

Жуков открыл папку с текстом доклада, отпил глоток холодного чая из стоявшего на трибуне стакана, прокашлялся и обвел зал внимательным взглядом. Сотни генеральских глаз были устремлены на него, сотни ушей находились в готовности услышать его слова. Но сам Георгий Константинович, не так давно вошедший в состав советской военной элиты, еще не совсем готов был к такому вниманию. Тем не менее, преодолевая некоторое смущение, излишне громким голосом он произнес:

– Товарищи! Прежде чем доложить свои соображения о характере современной наступательной операции, я хочу очень коротко остановиться на общих условиях ведения современной наступательной операции, на опыте современных войн и развития вооруженных сил.

Чему учит опыт проведения больших и малых операций, локальных и больших войн? Опыт учит прежде всего тому, что развитие современных армий и совершенствование их оперативно-тактического искусства проходит неравномерно. Там, где экономические условия позволяют, там военная мысль и воспитание армии чужды консерватизму, там развитие и совершенствование армии проходит более быстрыми темпами, и эти армии в современном сражении оказались способными вести успешно современные войны, современные операции, современные сражения. Там, где этих условий не было, армии оказались неспособными противостоять уничтожающему удару современного подготовленного противника.

Жуков оторвал глаза от текста доклада и снова обвел внимательным взглядом присутствующих. Многие генералы слабым кивком головы выражали свое согласие с докладчиком. Другие продолжали смотреть на него выжидательно, надеясь услышать главное.

– Несмотря на хорошую экономическую базу, вследствие внутренней политической слабости страны, консерватизма военной мысли, главного командования и буржуазного правительства надежды на то, что удастся повернуть Гитлера против Советского Союза, такие армии, как французская и английская, оказались неподготовленными к ведению современной войны, не готовыми не только для активных наступательных операций, но оказались даже не готовыми вести оборонительную войну.

Жуков снова окинул взглядом зал. Согласно кивающих голов было уже больше. Красные генералы с готовностью соглашались с тем, что передовая идеология стоит выше материальной сытости и определяет боеспособность армии. Как носители самой передовой советской идеологии они ни на минуту не сомневались в этом и готовы были с этой точки зрения критиковать других.

Затем Георгий Константинович неудачи испанского республиканского руководства в гражданской войне против Франко объяснял с точки зрения его неумения готовить и проводить наступательные операции. Это был камешек в огород К.А. Мерецкова, который во время войны в Испании был главным военным советником при республиканском руководстве и косвенно отвечал за действия их войск.

После этого Г.К. Жуков подробно остановился на характере боевых действий в военном конфликте на реке Халхин-Гол. Он заявил: «Генеральная наступательная операция... является

современной операцией, достаточно поучительной как с точки зрения ее организации, материального обеспечения, так и проведения». И он достаточно глубоко и всесторонне описал эту операцию. Уделяя большое внимание вопросу достижения внезапности, Г.К. Жуков отметил, что усилия советского командования «сводились к тому, чтобы создать у противника впечатление, что мы не готовимся наступать, а готовимся обороняться».

Говоря о наступательных операциях советско-финляндской войны, Георгий Константинович отметил, что первые из них были сорваны по причине «совершенно неудовлетворительной подготовки».

Затем Георгий Константинович перешел к наступательным операциям начавшейся Второй мировой войны. Он раскритиковал поляков за их неумение вести не только наступательные, но и оборонительные операции и отметил высокое военное искусство германского командования. «Кто играл главную роль в проведении этой стратегической операции? – спрашивал Георгий Константинович и сам же отвечал: – Главную роль, как видите, играет авиация и мотобронетанковые соединения, которые своими глубокими и стремительными ударами терроризировали, по существу, всю польскую армию, управление и всю страну».

Далее он указал, что проведению наступательной операции германскими войсками «предшествовала заблаговременная выработка мощной сети шпионской агентуры и диверсионных групп». Он подчеркивал умение немцев добиваться непрерывности операций.

Охарактеризовав, таким образом, уже имевшие место наступательные операции, Георгий Константинович перешел к главному вопросу – выработке взглядов на проведение такой операции в будущем. Он отметил, что фронт должен наступать в полосе 400–450 километров на глубину до 200–300 километров с темпом 25–30 километров в сутки. Указал на возрастание роли нанесения главного удара на узком участке фронта и маневра во фланг и тыл обороняющимся войскам.

– По какой линии продолжает идти развитие вооруженных сил? – задал Георгий Константинович вопрос аудитории и сам на него ответил: – Главные усилия передовых армий шли по линии создания наступательных средств ведения войны. Это значит, что развитие шло и идет как в количественном, так и особенно в качественном отношении. Основные силы нацелены на создание крупных военно-воздушных сил, бронетанковых соединений, развитие механизированной артиллерии и, наконец, моторизации армии. В результате этого оперативное искусство получило такие могучие факторы, как скорость и сила удара, значительно увеличилась оперативная и тактическая внезапность, маневренность и дальнебойность операции. Все это позволило главному командованию не только окружать и уничтожать противника в условиях маневренной войны, но и уничтожать, прорывая, сильные укрепления...

Доклад Г.К. Жукова продолжался немногим более часа. Собравшиеся в зале совещания военачальники внимательно слушали этот доклад, согласно кивая. Все понимали, что жуковский доклад появился неслучайно. Он был предварительно хорошо согласован с высшим руководством страны и РККА и косвенно является инструктажом о порядке действий на ближайшее будущее. Для большинства из них вопрос был настолько понятен, что не вызывал никаких сомнений. Это был «козырный» доклад, который был призван не столько внести новизну в данную проблему, сколько еще раз показать высокое место докладчика в иерархии высшего командного состава РККА. И сам Георгий Константинович также нисколько не сомневался в этом.

– Красной армии, где бы ее части в настоящее время ни находились, нужно быть готовой драться с искусным и технически оснащенным противником, – сказал Г.К. Жуков в заключение своего доклада. – Но для того, чтобы искусно вести современные наступательные операции, необходимо иметь отлично подготовленные войска, командиров и штабы. Надо помочь комсоставу овладеть искусством организации и проведения наступательных операций...

Завершение доклада Г.К. Жукова было отмечено одобрительными аплодисментами собравшихся, а затем его основные тезисы были поддержаны и развиты другими выступавшими. Стенограмма выступления Г.К. Жукова была отпечатана в тот же день и роздана для ознакомления всем основным участникам совещания.

И.С. Конев также выступал на этом совещании по вопросам подготовки войск Забайкальского военного округа, доложил об имевших место недостатках, особенно остановившись на низком качестве профессиональной подготовки командно-штабного состава. Он заявил о необходимости обобщения опыта Халхин-Гола и советско-финляндской войны. В то же время он говорил о вредности назначений на высокие должности лиц без соответствующего опыта данной работы. «Нужно прекратить перестраивать кадры, – сказал он. – У нас кадры не подбираются для назначения, а переставляются... с одного места на другое без всяких оснований... В результате средний комсостав, даже комбаты, командуют 3–4 месяца, а потом назначаются в новые части и подразделения» (РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Л. 55, 186–198).

Откровенно говоря, это было рядовое выступление, четко обусловленное рамками темы. Все обозначенные в нем вопросы были, безусловно, важными, но не уровня командующего округом. В нем ни одного вопроса не то что стратегического масштаба, но даже оперативного поставлено не было. Правда, позже в отношении этого совещания Конев говорил:

«Изложенные на совещании идеи отвечали современным требованиям ведения наступательных операций, учитывали и внешнеполитическую обстановку и правильно нацеливали руководящие кадры на то, как в дальнейшем вести подготовку вооруженных сил в случае нападения фашистской Германии. Все концепции были обоснованы, целесообразны, уместны и правильны, это было обобщение огромного опыта Гражданской войны, обобщение опытно-теоретических и учебно-практических занятий мирного времени с учетом войны Германии на Западе. Важно отметить, что все докладчики и все выступавшие отчетливо понимали, что противостоит нам – Германия. Поэтому меня удивляют попытки некоторых буржуазных историков представить дело таким образом, что советские командные кадры были темными людьми, в политической ситуации разбирались плохо, глубоким пониманием политических проблем не отличались.

Необходимо было готовить страну к обороне и учить войска тому, что требуется на войне. Так поступали все, начиная с наркома обороны и кончая младшими командирами. С заводских конвейеров уже сходили новые современные танки. Все было подготовлено к запуску в серию современных самолетов. Руководители округов знали, какую огромную программу выполняла оборонная промышленность. Поэтому на декабрьском совещании все говорили о том, что обстановка сложная, надо держать армию в полной боевой готовности. Командные кадры требование ЦК и Наркомата обороны четко уяснили».

В целом же декабрьское совещание высшего начальствующего состава РККА подвело итоги строительства Красной армии и развития советского военного искусства по состоянию на конец 1940 года. Из докладов следовало, что в качестве основного вида военных действий советское военное руководство по-прежнему рассматривает наступление, а ведущим специалистом в этой области является Г.К. Жуков.

Большая стратегическая игра

На следующий день после совещания, 1 января 1941 года, С.К. Тимошенко и Г.К. Жуков неожиданно были вызваны к И.В. Сталину. Сам Георгий Константинович об этой встрече пишет следующее:

«И.В. Сталин встретил нас довольно сухо, поздоровался еле заметным кивком и предложил сесть за стол. Он сделал замечание С.К. Тимошенко за то, что тот закрыл совещание, не узнав его мнения о заключительном выступлении наркома. На это С.К. Тимошенко ответил, что он послал ему проект своего выступления и полагал, что он с ним ознакомился и замечаний не имеет.

– Когда начнется у вас военная игра? – спросил И.В. Сталин.

– Завтра утром, – ответил С.К. Тимошенко.

– Хорошо, проводите ее, но не распускайте командующих. Кто играет за «синюю» сторону, кто за «красную»?

– За «синюю» (западную) играет генерал армии Жуков, за «красную» (восточную) – генерал-полковник Павлов, – ответил Тимошенко».

Судя по воспоминаниям Г.К. Жукова, получается, что на этом разговор Сталина с ним и Тимошенко был окончен. Но думается, что разговор в Кремле тогда произошел более обстоятельный.

Затем, как и планировалось, состоялась оперативно-стратегическая игра на картах. Общее руководство этой игрой осуществляли нарком обороны С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба К.А. Мерецков. Но, как позже говорил И.С. Конев, советское командование хорошо понимало значение сторон этой игры: «красная» – советская сторона, «синяя» – немецко-фашистская армия.

Северо-Западный фронт «восточных», или «красных», возглавлял командующий войсками Западного Особого военного округа Д.Г. Павлов, начальником штаба был начальник штаба Прибалтийского Особого военного округа П.С. Кленов, начальником оперативного отдела – начальник штаба Западного Особого военного округа В.Е. Климовских. Армиями командовали командующий Северо-Кавказским военным округом Ф.И. Кузнецов, генерал-инспектор пехоты Красной армии А.К. Смирнов, командующий Закавказским военным округом М.Г. Ефремов, командующий среднеазиатским военным округом И.Р. Апанасенко и *командующий Забайкальским военным округом И.С. Конев.*

Против этого коллектива играло командование Северо-Восточного фронта «западных», или «синих», которое возглавлял командующий войсками Киевского Особого военного округа Г.К. Жуков, начальником штаба фронта был М.А. Пуркаев – начальник штаба Киевского Особого военного округа, начальником оперативного отдела – начальник штаба Забайкальского военного округа Е.Г. Троценко. Командующими армиями были командующий Одесским военным округом Я.Т. Черевиченко, командующий Ленинградским военным округом М.П. Кирпонос и командующий Дальневосточным фронтом Г.М. Штерн.

Так по замыслу руководства военной игры И.С. Конев *впервые*, пусть даже по учебной линии, оказался противником Г.К. Жукова. При этом еще раз будет не лишним напомнить, что на тот момент оба эти генерала находились примерно на равных должностях – командующих военными округами. Правда, Киевский, как особый, котировался значительно выше, чем Забайкальский, который на тот момент как внутренний считался второразрядным. Поэтому и должности по игре им были определены различные: Жукову было поручено командование фронтом, Коневу – командование одной из армий другого фронта.

Играли, как это принято, против условного противника, но все понимали, что в качестве этого вероятного противника подразумевается Германия. Поэтому фронт стратегической игры

простирались от Восточной Пруссии до Полесья, именно там в годы Первой мировой войны происходили основные сражения между русскими и германскими войсками. Состав сил сторон был весьма внушительным. По замыслу в этой полосе «синяя» сторона должна была сосредоточить 60 дивизий, «красная» – свыше 50 дивизий.

Оперативная игра состояла из двух этапов. По замыслу ее первого этапа, проходившего в период с 2 по 6 января 1941 года, «синие» начинали войну с проведения фронтовой наступательной операции, связанной с прорывом сильно укрепленной полосы обороны «красных» (реально – линии Молотова). При этом Г.К. Жуков отмечает, что «во всех подготовленных для игры Генеральным штабом материалах в значительной степени были отражены последние действия немецко-фашистских войск в Европе». На практике это означало, что будет нанесено несколько мощных дробящих ударов танковыми группами («клинья»), которые в случае успеха сомкнутся с целью окружения крупных группировок противника («клещи»).

При этом по легенде, разработанной Генеральным штабом, предполагалось, что «красные» (Северо-Западный фронт) смогут частными операциями остановить наступление противника и обеспечить развертывание главных сил своих войск. Возможность достижения врагом внезапности начала наступления, равно как и возможность вынужденного отхода обороняющихся войск, почему-то разработчиками данной игры не допускались.

В результате, как и было предусмотрено легендой, отражение наступления «противника» на этом этапе условно было завершено успешно. Начавшие наступление группировки врага, наткнувшись на стойкую оборону противоположной стороны, очень быстро потеряли свою силу и вскоре были вынуждены остановиться.

Как действовала армия И.С. Конева на данном этапе военной игры – неизвестно, сам Иван Степанович никогда не вспоминал об этом. Но уже итоги этого этапа оперативной игры показали, что оперативно-стратегический кругозор многих командиров высшего звена был далек от совершенства и требовал еще очень много работы для оттачивания искусства управления и вождения крупными соединениями, организации взаимодействия разнородными силами и средствами.

По замыслу второго этапа игры, проходившего в период с 8 по 11 января, главный удар «восточные» наносили на Украине. Северо-Западный фронт, который действовал от Бреста до Черного моря, возглавлял Д.Г. Павлов, начальником штаба был В.Е. Климовских. Им противостояли войска Юго-Западного фронта, которым командовал Г.К. Жуков, а начальником штаба был М.А. Пуркаев. И.С. Конев, как и другие, был в качестве наблюдателей.

В рамках этой игры отрабатывались вопросы преодоления предполья и овладения укрепленными районами противника, преследование противника, форсирование конно-механизированной армией крупных рек и преодоление горных районов, прорыв полевой обороны врага, отражение крупных контрударов в ходе наступления. Новым было то, что на начальном этапе этой игры отрабатывался отход «восточных» на заранее подготовленные рубежи в сочетании с обороной промежуточных рубежей.

Разбор игры проводился в Кремле в присутствии И.В. Сталина, куда пригласили не только участников совещания высшего командного состава, а также всех членов Политбюро. Ход игры докладывал К.А. Мерецков. Когда он привел данные о соотношении сил сторон и преимуществе «синих» в начале игры, особенно в танках и авиации, И.В. Сталин, будучи раздосадован неудачей «красных», остановил его и заявил:

– Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск... Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильное решение...

Словно в развитие сказанного вождем Г.К. Жуков попросил слова. В своем выступлении, как позже писал Георгий Константинович в своих «Воспоминаниях», он подверг острой критике Д.Г. Павлова, указав на недостатки в подготовке обороны войсками Западного Осо-

бого военного округа. В частности, он заявил о том, что, по его мнению, укрепленные районы «строятся слишком близко к границе, и они имеют крайне невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе белостокского выступа. Это позволяет противнику ударить из района Бреста и Сувалки в тыл всей нашей белостокской группировки. Кроме того, из-за небольшой глубины УРы могут долго продержаться, так как они насквозь простреливаются артиллерийским огнем. Считаю, что нужно бы строить УРы где-то в глубине.

– А на Украине УРы строятся правильно? – спросил Д.Г. Павлов.

– Я не выбираю рубежей для строительства УРов на Украине, – ответил Г.К. Жуков. – Однако полагаю, что и там их надо было строить подальше от границы».

Безусловно, как показал последующий опыт Великой Отечественной войны, данный недостаток имел место. Но тогда, в январе 1941 года, многие из присутствовавших на разборе учений отметили, что Г.К. Жуков своим выступлением критиковал не столько Д.Г. Павлова, который практически не принимал решения о строительстве укрепленных районов на новой границе СССР, сколько Б.М. Шапошникова, занимавшего должность начальника Генерального штаба в то время, и его сменщика К.А. Мерецкова, ничего не предпринявшего для исправления указанной ошибки. Также это был выпад и в сторону бывшего наркома обороны Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова. Но тот был намного выше критики снизу.

– Укрепленные районы строятся по утвержденным планам Главного военного совета, – недовольно заметил он. – Конкретное руководство строительством осуществляет заместитель наркома обороны маршал Шапошников. Неужели вы считаете, что люди, принявшие это решение, недостаточно компетентные в области военного дела?

Г.К. Жуков понял, что в своей критике зашел слишком далеко. Он постарался несколькими общими фразами смягчить резкость своего выступления, быстро закончил его и сел на место...

На следующий день после разбора оперативно-стратегической игры Г.К. Жуков снова был вызван к И.В. Сталину.

– Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас, – сказал Иосиф Виссарионович. Позже в своих мемуарах Георгий Константинович писал, что это предложение для него было совершенно неожиданным и что он якобы даже пытался от него отказаться. Но Сталин был настойчив. «Политбюро решило назначить вас», – сказал он, делая ударение на слове «решило», и Жуков понял, что дальнейшие возражения бесполезны...

14 января 1941 года вышло в свет два важных документа под грифом «Строго секретно». Первым было Постановление № 92 Совета Народных Комиссаров СССР «О назначении Начальником Генерального штаба и заместителем наркома обороны СССР генерала армии Жукова Георгия Константиновича». Вторым – Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О начальнике Генштаба и командующих военными округами». В нем, в частности, говорилось о том, что генерал-лейтенант И.С. Конев назначается командующим войсками Северо-Кавказского военного округа.

Позже свое назначение на новую должность И.С. Конев объяснял следующим образом: «Когда в связи с новым назначением меня принял С.К. Тимошенко, он сказал, что меня берут на основное западное направление на Северо-Кавказский военный округ, обстановка может сложиться так, что это будет важнейшее ударное направление, и закончил: *“Мы рассчитываем на вас. Будете представлять ударную группировку войск в случае необходимости нанесения удара”*. Так мне лично и доверительно сказал нарком. Впервые предаю это гласности».

Таким образом, декабрьское совещание высшего начальствующего состава РККА 1941 года и оперативно-стратегическая игра, проведенная в начале 1941 года, для Г.К. Жукова и И.С. Конева имели исключительно важное значение. По итогам этих мероприятий первый был

назначен начальником Генерального штаба РККА, второй – командующим войсками Северо-Кавказского военного округа. Эти назначения на обоих налагали особую ответственность при подготовке к большой войне, которая уже бушевала в Европе.

«Превентивный» удар Жукова

История не признает сослагательных наклонений, и фраза типа «что было бы, если бы...» не имеет ничего общего с исторической наукой. Также говорят, что спустя десятилетия легко критиковать и видеть чужие ошибки. В то же время конкретные научные знания дают нам право рассуждать, анализировать, прогнозировать.

Уже многие годы актуальным является вопрос, готовил ли Советский Союз нападение на Германию в 1941 году? Советские авторы данный вопрос даже не рассматривали. В постсоветский период мнения разделились. Так, в конце 80-х годов «историк» Виктор Суворов (Резун) неоднократно писал о том, что Советский Союз готовил летом 1941 года нападение на Германию. Об этом же говорит и другой историк Марк Солонин в своей книге «25 июня: Глупость или агрессия». Он, ссылаясь на архивные документы, пишет, что в «прямом соответствии с майскими сообщениями Н.Ф. Ватутиным была разработана и представлена 13 июня 1941 года справка о развертывании Вооруженных сил СССР на случай войны на Западе и что ударные группировки Красной армии у западной границы к 22 июня были развернуты в строгом соответствии с замыслом на наступление. На этом основании он делает вывод о том, что это «является самым важным и неопровержимым доказательством того, что планы эти вовсе не были предметом кабинетных изысканий, а последовательно и твердо претворялись в жизнь».

Далее, развивая эту мысль, Солонин сообщает еще ряд фактов. Во-первых, он говорит о том, что на заседании Комитета Обороны 12 апреля 1941 года были рассмотрены вопросы «О денежном довольствии личного состава Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД на военное время» и «О создании комиссии по представлению отсрочек от призыва по мобилизации и во время войны». Во-вторых, 10 мая 1941 года в Комитете Обороны был утвержден перечень вопросов, подлежащих рассмотрению на совещании, в числе которых был вопрос «О дополнительных сметах расходов на период мобилизации и первый месяц войны». В-третьих, 12 мая 1941 года в перечне вопросов в ЦК ВКП(б) был включен пункт «О работе ГВФ (Гражданский Воздушный флот) в военное время». В-четвертых, 4 июня 1941 года нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов направил заместителю председателя СНК Н.А. Вознесенскому докладную записку следующего содержания: «Представляю при этом ведомость потребности наркомата ВМФ по минно-торпедному вооружению на военное время с 1.07.41 по 1.01.43.».

Безусловно, все эти документы косвенно подтверждают подготовку СССР к войне, но специалисты хорошо знают, что все они должны разрабатываться в мирное время, не дожидаясь начала военных действий.

Крупный исследователь начального периода войны за Западном стратегическом направлении ведущий сотрудник Института военной истории Вооруженных сил России В.В. Абатуров в книге «1941. На Западном направлении» пишет, что в «стратегической разработке оперативного отдела верховного командования вермахта по подготовке и ведению кампании против СССР» от 15 сентября 1940 года немецким военно-политическим руководством прогнозировалось три варианта возможных действий Красной армии в начале войны. В числе первых рассматривался вариант нанесения Советским Союзом упреждающего удара по развертывающимся немецким войскам. Но, по мнению разработчиков плана, этот вариант отпадал из-за неспособности командования и войск Красной армии нанести мощный удар по Восточной Пруссии и Северной Польше.

Но в какой мере планировала советская сторона первой нападать на Германию, ни у кого из исследователей данной проблемы полностью аргументированного ответа нет. Поэтому и я не буду категоричным при ответе на этот вопрос, но хочу предложить читателю некоторые документы, оперативно-тактические выкладки и собственные рассуждения, сделанные на этот счет.

В 1995 году под эгидой Федеральной службы контрразведки Российской Федерации Академией Федеральной службы контрразведки был издан многотомный труд «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», представленный как сборник документов. В первом томе этого труда, предлагающем документы периода ноябрь 1938 – декабрь 1940 года, содержится (документ № 94) докладная записка 1-го управления ГУПВ НКВД СССР № 19/47112 в НКВ СССР «О приготовлении Германии к войне СССР» от 28 июня 1940 года. В последующие месяцы такая информация периодически поступала из различных источников и тут же докладывалась советскому военно-политическому руководству. Следовательно, об агрессивных планах Германии против СССР в наркомате обороны СССР и Генеральном штабе РККА знали и должны были реагировать на них соответствующим образом.

Военное искусство предопределяет решение задач вооруженной борьбы двумя видами военных действий – наступлением или обороной. Оборона считается пассивным видом боевых действий и применяется в том случае, если нет сил для наступления или если одна из сторон хочет ослабить другую для последующего наступления. Наступление считается видом военных действий, который приводит к победе. Поэтому и Советский Союз, зная о приготовлениях Германии в войне в 1941 году, должен был готовиться либо к обороне, либо к нанесению по противнику упреждающего удара.

В начале 1940 года осторожный Б.М. Шапошников на посту начальника Генерального штаба РККА был сменен участником войны в Испании и советско-финляндской войны К.А. Мерецковым. Но и Мерецков оказался осторожным человеком. Набив шишки в войне с финнами, особенно при штурме линии Маннергейма, он правильно оценил низкие наступательные возможности Красной армии и также стал в позицию оборонца. Как результат, он поддержал решение Б.М. Шапошникова о строительстве линии укрепленных районов на новой границе СССР и начал разработку оперативных планов прикрытия государственной границы. К концу 1940 года эти планы на уровне Генерального штаба – военный округ практически были готовы.

Однако эти оборонческие настроения не разделялись С.К. Тимошенко, который также был участником советско-финляндской войны, а в мае 1940 года был назначен наркомом обороны СССР. Выходец из 1-й Конной армии, он считал, что бить врага нужно наступлением и на его территории. Наступательным духом было пропитано совещание высшего начальствующего состава РККА, которое состоялось в Москве в конце декабря 1940 года. Доклад начальника Генерального штаба Красной армии генерала армии К.А. Мерецкова по недостаткам советско-финляндской войны не понравился многим, особенно тем, кто мало интересовался развитием военного дела в Германии и слепо верил в несокрушимую мощь Красной армии. Так, известно, что уже в конце первого дня совещания маршалы С.М. Буденный и Г.И. Кулик встречались с И.В. Сталиным и высказали ему свое недовольство атмосферой совещания.

Положение начало исправляться после того, как на следующий день с большим докладом по теме «Характер современной наступательной операции» выступил командующий войсками Киевского Особого военного округа Г.К. Жуков, а затем состоялась известная оперативно-стратегическая игра на картах, в ходе которой Георгий Константинович, внезапно перейдя в наступление, переиграл генерала Д.Г. Павлова. Результаты этой оперативно-стратегической игры тут же были доложены И.В. Сталину с соответствующими сопутствующими комментариями, Г.К. Жуков был назначен на должность начальника Генерального штаба вместо генерала К.А. Мерецкова.

В 1940 году план прикрытия новой государственной границы СССР, работу над которым начинал еще Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков фактически завершил. Над такими же планами, в части их касающейся, работали и штабы всех западных военных округов и армий прикрытия государственной границы. Оставалось только согласовать и утвердить эти планы с тем, чтобы довести их непосредственно до войск. На это требовалось не больше месяца, а

планирующаяся работа на уровне корпус – дивизия – полк могла быть закончена уже в феврале 1941 года.

Но на практике все произошло иначе. После того как Г.К. Жуков стал начальником Генерального штаба РККА, этот высший орган стратегического управления Вооруженными силами СССР начал разработку плана нанесения превентивного удара. Историкам хорошо известен такой документ, как «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза» от 15 мая 1941 года. В нем, в частности, говорится: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отоброилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, *упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие войск* (выделено автором). Но этот документ не был подписан ни Г.К. Жуковым, ни С.К. Тимошенко и тем более не утвержден И.В. Сталиным, а это значит, что он не имел никакой силы и мог рассматриваться только как предложения по одному из вариантов действий.

В то же время я не исключаю, что предложения Г.К. Жукова по нанесению превентивного удара были согласованы с наркомом обороны С.К. Тимошенко и обсуждались на самом высоком уровне. Но если они не получили своего развития, значит, И.В. Сталин и члены Политбюро усомнились в возможности реализации такого варианта. Возможно, тому мешали выводы специальной комиссии, которая весной 1941 года, проинспектировав многие соединения РККА, сделала вывод об их низких боевых возможностях.

Г.К. Жуков потерпел фиаско со своим планом нанесения превентивного удара и был вынужден дать ход плану обороны, разработанному его предшественниками с изменениями, произошедшими с того времени.

* * *

Наличие «Соображений» Г.К. Жукова от 15 мая 1941 года многим позволяет рассуждать о том, что было бы, если бы Советский Союз первым нанес удар по войскам вермахта, сосредоточенным у его границ, и перешел в решительное наступление на избранных направлениях. Некоторые считают, что это не только бы сорвало агрессию Германии, но и привело бы совсем к другим итогам Второй мировой войны. Другие, а их также немало, уверены, что ничего хорошего для Советского Союза из этого бы не получилось, так как Красная армия в то время по разным причинам была неспособной вести стратегические наступательные операции. При этом в качестве главной причины называется человеческий фактор.

Научная дискуссия, связанная с подготовкой СССР превентивного удара по Германии в 1941 году, настолько острая и важная для истории человечества, что я позволю себе принять в ней участие и высказать некоторые свои личные соображения.

Начну с того, что, проработав почти тридцать лет на преподавательской работе в ведущей военной академии, я твердо знаю, что нанесение превентивного удара требует очень тщательной предварительной подготовки и далеко не каждое успешно начатое наступление достигает поставленных целей. Также я не отрицаю значимость человеческого фактора в военном деле притом, что решения на уровне от полка и выше принимаются коллегиально. Я предлагаю рассмотреть этот вопрос без излишних субъективных эмоций с опорой только на фактический материал.

В то же время я хочу напомнить, что в 30-е годы советской военной теорией была разработана и отработана на практике в ходе учений глубокая наступательная операция. Согласно этой теории, армия, имея в своем составе два стрелковых, один механизированный корпуса и

одну-две авиационные дивизии, была в состоянии, наступая в полосе 50–80 километров, прорвать подготовленную оборону противника на участке 20–30 километров стрелковыми соединениями и, введя в бой механизированный корпус (две танковые и одна механизированная дивизия, всего по штату 1031 танк), за 7–10 суток продвинуться на глубину до 100 километров. Для наращивания усилий в распоряжении командующего фронтом было еще несколько механизированных корпусов и стрелковых дивизий.

Теперь перейдем от теории к фактам.

К июню 1941 года конфигурация советско-германской границы создавала два выступа в западном направлении, один в районе Белостока (Западный Особый военный округ), второй в районе Львова (Киевский Особый военный округ). В белостокском выступе находились 3-я и 10-я армии, в Львовском – 6-я и 26-я армии. В составе 3-й и 10-й армий было 7 стрелковых, 2 кавалерийские, 6 танковых, 2 моторизованные дивизии, в составе которых насчитывалось более 170 тысяч личного состава, почти 1000 танков, свыше 2000 орудий и минометов, около 300 самолетов. В составе 6-й и 26-й армий имелось шесть стрелковых, кавалерийская, четыре танковых, две механизированные дивизии, в составе которых насчитывалось более 200 тысяч личного состава, 2232 танка, около 2500 орудий и минометов, свыше 500 самолетов.

Также нужно учитывать, что между белостокской и львовской группировками находились 4-я и 5-я армии достаточно мощного состава. В составе 4-й армии находился 14-й механизированный корпус, а в составе 5-й армии – 22-й механизированный корпус, танковые соединения которых при необходимости можно было быстро перебросить в полосы наступления ударных армий. Кроме того, в резерве у командующего Западным Особым военным округом еще имелись 7, 13, 17, 20, 23 и 25-й механизированные корпуса, а у командующего Киевским Особым военным округом – 9, 15, 16, 19 и 24-й механизированные корпуса. С учетом этих сил и средств в Западном Особом военном округе было 2900 танков, 14 249 орудий и минометов, 1785 боевых самолетов. В Киевском Особом военном округе – 5465 танков, 14 756 орудий и минометов, 2059 боевых самолетов.

В военном деле принято подсчитывать плотность сил и средств во всей полосе наступления и на направлении главного удара. Если предположить, что в случае начала войны со стороны СССР каждая ударная армия будет наступать в полосе 80 километров, то плотность сил и средств в полосе 3-й и 10-й армий Западного Особого военного округа, с учетом использования фронтовых резервов, могла составить менее 20 километров на стрелковую (кавалерийскую) дивизию и на каждый километр фронта наступления до 14 танков, до 100 орудий и минометов, до 13 боевых самолетов. В полосе действий ударной группы Киевского Особого военного округа стрелковая (кавалерийская) дивизия могла наступать на фронте до 15 километров, а на каждом километре могли действовать до 34 танков, около 95 орудий и минометов, 13 боевых самолетов. Но в связи с требованием решительного массирования сил и средств на направлении главных ударов, эта плотность могла быть значительно выше.

Оценим противника. Против белостокского выступа располагались войска 9-й полевой армии и 3-й танковой группы из состава группы армий «Центр». Против львовского выступа находились 17-я полевая армия и 1-я танковая группа из состава группы армий «Юг». Полевые армии состояли исключительно из пехотных дивизий, в составе которых не было ни одного танка, но имелось 212 орудий и минометов, 75 противотанковых пушек и 96 противотанковых ружей. 3-я танковая группа (командующий генерал Г. Гот) состояла из четырех танковых и трех механизированных дивизий. 1-я танковая группа (командующий генерал Э. Клейст) состояла из пяти танковых и трех механизированных дивизий. В 1941 году танковая дивизия вермахта состояла из двух моторизованных, артиллерийского и одного танкового полка. В этом полку насчитывалось 209 танков. В моторизованной дивизии также ни одного танка не было. Следовательно, против белостокского выступа противник имел 827 танков, против львовского – немногим более одной тысячи.

Несколько южнее белостокского выступа находилась 2-я танковая группа (командующий генерал Г. Гудериан), в составе которой было пять танковых и четыре механизированных дивизии. Если предположить, что при необходимости эта группа могла быть выведена в резерв главного командования и переброшена на направления главных ударов противника, то это еще 1045 танков. Таким образом, к началу операции соотношение в танках против белостокского выступа с учетом использования 2-й танковой группы в полном составе могло быть 1: 1,5 в пользу советских войск, против львовского – 1: 5,4 в пользу советских войск.

Теперь по авиации. В полосе группы армий «Центр» противник имел 1677 боевых самолетов, в том числе 530 истребителей и 980 бомбардировщиков. В составе войск Западного Особого военного округа имелось 1150 боевых самолетов, в том числе 408 бомбардировщиков. В полосе группы армий «Юг» у немцев было 2010 самолетов, а войска Киевского Особого военного округа располагали примерно таким же количеством самолетов, из которых 466 были бомбардировщиками. Некоторое превосходство, казалось бы, на стороне противника. Но в случае достижения внезапности начала военных действий и неожиданного нанесения ударов по вражеским аэродромам это соотношение за короткое время может резко измениться. Достаточно вспомнить те многие сотни самолетов, которые потеряли советские войска на земле 22 июня 1941 года.

Рассмотрим вопрос инженерного оборудования театра военных действий немецкими войсками. Как известно, в отличие от Советского Союза немецкое командование в 1941 году не тратило силы на возведение на своей территории укрепленных районов. Полевая оборона также практически не готовилась. Поэтому в случае перехода в наступление советские войска не должны были встретить упорного сопротивления непосредственно по рубежу государственной границы, а контрудары танковых дивизий вермахта также не смогли бы существенно повлиять на общую оперативную обстановку.

Исходя из наличия сил и средств, характера обороны противника можно спрогнозировать соотношение потерь сторон в операции. При наступлении на неподготовленную оборону советские войска тем не менее должны были понести вдвое больше потерь, чем обороняющиеся немецкие войска. При отражении неподготовленных заранее контрударов немецких танковых дивизий потери сторон могли быть примерно равными. Но уже с началом отхода немецких войск их потери должны были значительно превысить потери соединений Красной армии, ведущих фронтальное преследование. При переходе к преследованию по параллельным маршрутам с учетом фланговых ударов потери обороняющейся стороны по отношению к наступающей могли составить 3: 1. Но если учесть, что такое преследование нередко завершается окружением противника, то можно вести разговор о полном разгроме противостоящей вражеской группировке при сравнительно небольших потерях среди наступавших войск.

Таким образом, в теоретическом плане реализация плана превентивного удара, предложенного Генеральным штабом РККА в середине мая 1941 года, была вполне возможной. Но это только теория. На практике все могло быть иначе.

От утвержденного замысла стратегической наступательной операции до отдачи непосредственного боевого приказа войскам, как свидетельствует практика, требуется не менее полугода. Столько времени германскому командованию потребовалось для подготовки к реализации плана «Барбаросса» в 1941 году. Столько же времени потребовалось и советскому командованию на подготовку Маньчжурской стратегической наступательной операции в 1945 году. 15 мая 1941 года план нанесения превентивного удара, предложенный Генеральным штабом РККА, подписан и утвержден не был. Это значит, что не было контрольной точки отсчета начала его реализации и не было самой реализации, сопровождающейся лавиной директив, приказов и других боевых документов. По крайней мере, противнику, разгромившему штабы Юго-Западного фронта, нескольких армий, десятка корпусов и многих десятков дивизий, не удалось получить ни одного такого документа, а о его наличии Геббельс не стал бы молчать.

Это говорит о том, что таких документов не было, и о том, что Советский Союз в 1941 году не готовился к нападению на Германию и не готовил стратегической наступательной операции.

Даже вопреки фактам допустим, что такая операция готовилась, и поговорим о ее шансах на успех. Вопрос очень непростой и с военной точки зрения требует рассуждений и выводов параллельно по нескольким направлениям.

Во-первых, нельзя было скрыть от противника многомесячную подготовку столь масштабной операции. Уверен, что, узнав об этом, германское командование предприняло бы соответствующие ответные меры, прежде всего в плане создания глубокоэшелонированной обороны, хорошо развитой в инженерном отношении, насыщенной противотанковыми средствами. На легкий и быстрый прорыв такой обороны рассчитывать уже не приходилось.

Во-вторых, в германской армии были хорошо отработаны приемы оперативной и тактической маскировки. Накануне вторжения с этой целью на уровне Генерального штаба сухопутных войск Германии был разработан особый план. Это должно было резко снизить эффективность первых авиационных и артиллерийских ударов противника и сохранить свои войска для последующих действий.

В-третьих, вермахт значительно превосходил РККА по количеству и качеству средств управления, что являлось одним из определяющих факторов, прежде всего в наступлении, когда практически невозможно было полагаться на проводные линии связи. Фашисты широко и достаточно умело использовали радиосвязь в звене от Генерального штаба до отдельного танкового экипажа. Советские войска же испытывали острый недостаток в радиостанциях, а командующие, командиры и штабы не были обучены работать с помощью этих средств управления. Существовала своеобразная радиобоязнь в одних, другие же грешили передачей боевых распоряжений и донесений открытым текстом. В первом случае управление войсками нарушалось до прокладки проводной линии связи, во втором передаваемая информация нередко становилась достоянием врага. Это в полной мере проявилось в июне 1941 года и неоднократно давало о себе знать и в последующем.

В-четвертых – человеческий фактор. Многие генералы вермахта к июню 1941 года имели не только хорошее военное образование, большую практику управления войсками, но и опыт наступления, полученный во время польской кампании и на Западе в 1939–1940 году. Например, начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер работал в этом высшем органе оперативного управления около 25 лет, все командующие группами армий, полевыми армиями и танковыми группами имели за спиной академическое образование и прослужили в этих должностях от 5 до 10 лет.

Состояние офицерского корпуса РККА было далеко не лучшим. Безусловно, сказались репрессии 1937–1938 годов. По неполным данным, в это время были репрессированы три маршала Советского Союза, 14 командармов 1-го и 2-го ранга, 60 комкоров, 136 комдивов. Также нужно помнить, что в последние предвоенные годы резко возросла численность РККА: если в 1935 году в ее рядах насчитывалось 930 тысяч человек, то на 1 января 1941 года под ружьем уже стояло 4,2 миллиона человек. За счет массового призыва были развернуты новые объединения, соединения и части.

Для покрытия нехватки в командных кадрах высшего звена летом 1940 года по ходатайству наркома обороны С.К. Тимошенко были пересмотрены дела более трехсот репрессированных военачальников. В итоге почти двести пятьдесят командиров было возвращено в строй. В их числе были К.К. Рокоссовский, А.В. Горбатов, А.И. Тодорский, А.В. Голубев и другие. К 1 января 1941 года на военную службу возвратилось более 12 тысяч командиров и политработников, в основном из числа тех, кто не был арестован в 1937–1938 годах, но находился под наблюдением НКВД.

В то же время нужно признать, что профессиональный уровень подготовки высшего начальствующего состава РККА был невысок. Нарком обороны СССР Маршал Советского

Союза С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков военное образование имели на уровне академических курсов. Командующий Западным Особым военным округом генерал армии Д.Г. Павлов на должность был назначен в июне 1940 года, имея за спиной опыт командования танковой бригадой. Командующий войсками Киевского Особого военного округа генерал-полковник М.П. Кирпонос на должность был назначен в феврале 1941 года. До этого с 1934 по 1939 год он был начальником Казанского пехотного училища, во время советско-финляндской войны полгода покомандовал дивизией, в 1940 году два месяца прокомандовал стрелковым корпусом, после чего был назначен сразу командующим Ленинградским военным округом, а еще через полгода переводится командующим в самый крупный Киевский Особый военный округ. Столь же стремительными были карьерные взлеты и большинства командующих армиями, очень многих командиров корпусов и дивизий. При этом надо отметить, что, получив высокие должности, они не имели опыта в подготовке и проведении фронтовых и армейских наступательных операций, наступательных боев стрелковых и, прежде всего, механизированных (танковых) соединений.

Не лучшим было состояние командных кадров и на уровне полков, батальонов и рот. Почти 70 процентов командно-начальствующего состава имели опыт работы в занимаемой должности от одного до шести месяцев. До 50 процентов командиров батальонов, почти 68 процентов командиров рот и взводов имели лишь шестимесячную подготовку на курсах.

Крайне низкой была военная подготовка офицеров запаса. Из этой категории лиц, которые в случае войны должны были занять ответственные должности, только 0,2 процента имели высшее военное образование, 10 процентов окончили военные училища, а остальные почти 90 процентов – краткосрочные курсы офицеров запаса.

Если учесть все эти отрицательные моменты, то вызывает вполне обоснованное сомнение в способности РККА в 1941 году подготовить и провести стратегическую наступательную операцию с целью разгрома противостоящую группировку немецких войск. Ведь такая операция, кроме «революционного» порыва, требует очень многого, чего в то время Красная армия практически не имела.

Правда, это вовсе не значит, что высшие военачальники считали Красную армию слабой, а себя не готовыми к решению масштабных наступательных задач. Я совершенно уверен, что в случае получения соответствующего приказа от руководства СССР С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, Д.Г. Павлов, М.П. Кирпонос, подчиненные им командармы, комкоры и комдивы повели бы свои войска в наступление. Но другой вопрос – чем бы закончилось это наступление?

Таким образом, все, что касается подготовки СССР к нападению на Германию летом 1941 года и возможного развития превентивной стратегической наступательной операции РККА, то это остается в области гипотез, домыслов и рассуждений. Нет сомнений в том, что в начале 1941 года Генеральный штаб, возглавлявшийся Г.К. Жуковым, разрабатывал план такой операции. Но, как известно, от разработки до реализации любого проекта слишком далеко.

Глава вторая. Время суровых испытаний

Тяжелое начало

Начало Великой Отечественной войны многими авторами описано уже неоднократно. Об этом тяжелом времени писали руководящие работники Генерального штаба РККА, командующие и работники штабов военных округов, армий, корпусов, дивизий, командиры подразделений, сержанты и солдаты. Оставил свои воспоминания и бывший начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков.

Открываем его «Воспоминания и размышления»:

«Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик – немецкий фельдфебель, – констатирует Г.К. Жуков. – Он доложил, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня. Я тотчас же доложил наркому и И.В. Сталину то, что передал М.А. Пуркаев. И.В. Сталин сказал:

– Приезжайте с наркомом в Кремль.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И.В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

– А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? – спросил он.

– Нет, – ответил С.К. Тимошенко. – Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И.В. Сталина вошли члены Политбюро.

– Что будем делать? – спросил И.В. Сталин.

Ответа не последовало.

– Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех пограничных войск в полную боевую готовность, – сказал нарком.

– Читайте! – ответил И.В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И.В. Сталин заметил:

– Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска пограничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н.Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И.В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз ее прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи».

В директиве войскам западных округов и народному комиссару Военно-морского флота, подписанной в 23 часа 21 июня 1941 года, указывалось:

«1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ПВО, ПриБВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подьема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городков и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

С этой директивой Н.Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тот же час передать ее в округа. Передача в округа была закончена в 00.30 22 июня 1941 года, то есть всего за три часа до начала агрессии...

Под утро 22 июня нарком С.К. Тимошенко, Н.Ф. Ватутин и я находились в кабинете наркома обороны...

В 3 часа 30 минут 22 июня 1941 года первая волна немецких бомбардировщиков в составе 30 отборных экипажей, группами по 3 самолета, пересекла западную границу Советского Союза. Вторгшись на советскую территорию, бомбардировщики легли на курс к намеченным целям в тот момент, когда немецкая артиллерия подала сигнал о начале наступления наземных войск, они в утренних сумерках нанесли удар по десяти советским аэродромам.

Затем, уже на восходе солнца, основные силы немецких ВВС в составе 500 бомбардировщиков, 270 пикирующих бомбардировщиков, 480 истребителей нанесли удар по 66 аэродромам, на которых было сосредоточено почти $\frac{3}{4}$ советской авиации. Подавляющая часть крылатых машин была выведена из строя.

В 3 часа 30 минут Г.К. Жукову позвонил начальник штаба Западного Особого военного округа генерал-лейтенант В.Е. Климовских и доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Через несколько минут раздался звонок от начальника штаба Киевского Особого военного округа генерал-лейтенанта М.А. Пуркаева, который доложил о налете немецкой авиации на города Украины. В 3 часа 40 минут позвонил командующий Прибалтийским Особым военным округом генерал-полковник Ф.И. Кузнецов и также доложил о налете немецкой авиации на Каунас и другие города...

«Нарком приказал мне звонить И.В. Сталину. Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос дежурного генерала управления охраны. Прошу его позвать к телефону И.В. Сталина.

Минуты через три к телефону подошел И.В. Сталин.

Я доложил обстановку и просил разрешение начать ответные боевые действия. И.В. Сталин молчит. Я слышу его дыхание.

– Вы меня поняли?

Опять молчание.

Наконец И.В. Сталин спросил:

– Где нарком?

– Говорит с Киевским округом по ВЧ.

– Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро...

В 4 часа 30 минут утра все вызванные члены Политбюро были в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет.

И.В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку. Он сказал:

– Надо срочно позвонить в германское посольство.

В посольстве ответили, что граф Шуленбург просит принять его для срочного сообщения.

Принять посла было поручено В.М. Молотову.

Тем временем первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н.Ф. Ватутин передал, что сухопутные войска немцев после сильного артиллерийского огня на ряде участков северо-западного и западного направлений перешли в наступление.

Через некоторое время в кабинет быстро вошел В.М. Молотов:

– Германское правительство объявило нам войну.

И.В. Сталин опустил голову и глубоко задумался.

Наступила длительная пауза.

Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение.

– Не задержать, а уничтожить, – уточнил С.К. Тимошенко.

– Давайте директиву, – сказал И.В. Сталин.

В 7 часов 15 минут 22 июня директива наркома обороны № 2 была передана в округа...» (*Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. С. 243–248).

Итак, для Г.К. Жукова фактически Великая Отечественная война не началась внезапно – он был готов к ней непосредственно с вечера 21 июня и даже предпринимал определенные меры для того, чтобы войска Западных округов не были застигнуты врасплох. К сожалению, на практике это не получилось... За это были расстреляны генералы Г.Д. Павлов, Д.Г. Климовских, А.Т. Григорьев, А.А. Коробков и др. Многие погибли в первых боях, еще некоторые были пленены противником. О простых офицерах, сержантах и солдатах и говорить нечего – их потери измеряются сотнями тысяч... Но ни нарком обороны, ни начальник Генерального штаба за это никакой ответственности не понесли. Почему – только можно гадать?!

Непосредственно перед войной 19-я армия генерал-лейтенанта И.С. Конева находилась на Украине, а он сам в Ростове-на-Дону, где был расположен штаб Северо-Кавказского военного округа. Хотя время было и очень тревожное, но никаких предварительных ориентировок он не получал, поэтому вечером 21 июня отправился спать к себе на квартиру.

Далее он пишет:

«В два часа ночи 22 июня раздался звонок по ВЧ. Жуков сообщил, что положение угрожающее, дал команду привести в готовность все средства противовоздушной обороны Ростова. “Командующим округа оставьте Рейтера, своего заместителя, а сами немедленно вылетайте в армию, быть там в полной боевой готовности”.

Вместе с членом Военного совета Шеклановым, начальником особого отдела Королевым рано утром в четыре часа на своем самолете СИ-47 я вылетел из Ростова в Черкассы. По всему маршруту был ливневый дождь, мы шли на бреющем полете при плохой видимости. Взяли за ориентир Днепр и по Днепру шли на Черкассы. Пролетая район Запорожья, не без риска прошли над проводами высокого напряжения Днепровской ГЭС.

Прибыв около пяти часов утра (22 июня. – Авт.) в штаб 19-й армии, я выяснил, что ни начальник штаба, никто в штабе не знает, что началась война».

Сразу же встает вопрос – почему?

19-я армия находилась на территории Киевского Особого военного округа, и командование этого округа, безусловно, знало об этом. Оповещая свои армии, оно должно было позаботиться о том, чтобы такой же сигнал поступил и в эту армию. Но по какой-то причине этого не произошло. Объяснение – основная часть штаба находилась в движении в район Тернополя, а оперативный дежурный, оставшийся в Киеве, халатно отнесся к своим обязанностям.

Если 19-я армия, несмотря на то что находилась на территории Киевского Особого военного округа, составляла резерв Главного командования, то соответствующую команду в ее

штаб должен был передать Генеральный штаб РККА, а проконтролировать его прохождение лично Г.К. Жуков. Но почему-то и этого не произошло? Ответ – опять-таки недопустимая халатность.

Третий вопрос – как сам И.С. Конев узнал, что уже идет война? Ведь 22 июня немецкая авиация Черкассы не бомбила. Как пишет сам И.С. Конев: «Весь первый день войны штаб армии не получал информацию из Генштаба о положении на фронтах. Этот день прошел для нас спокойно, противник не бомбил район расположения армии, кроме железнодорожного моста через реку Днепр. Видимо, сосредоточение 19-й армии не было установлено противником».

Правда, А.Н. Оськин, взявший на себя смелость раскрыть тайны начала Великой Отечественной войны, в книге «Ключи к разгадке», ссылаясь на какого-то свидетеля, пишет, что уже 21 июня над Черкассами появился иностранный военный самолет, который был обстрелян зенитчиками 19-й армии. Автор делает смелый вывод, что это мог быть английский разведчик, прилетевший с юга???

Тем не менее, прибыв в Черкассы, И.С. Конев «дал команду объявить боевую тревогу, рассредоточил войска, доложил в Генштаб, что я на командном пункте в Черкассах и войска армии находятся в полной боевой готовности». Об этом он был обязан проинформировать штаб Киевского военного округа и Генеральный штаб.

Между тем, как пишет Г.К. Жуков, к 8 часам утра 22 июня Генеральному штабу все же удалось прояснить сложившуюся на то время оперативную обстановку, и в 9 часов утра он вместе с С.К. Тимошенко снова поехал к И.В. Сталину для того, чтобы «доложить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации в стране и образовании Ставки Главного командования, а также ряда других вопросов».

Опять неточность. Во-первых, ни один военачальник, не разобравшись в обстановке, не поедет к старшему начальнику, если только добровольно не рискнул нарваться на серьезные неприятности. Во-вторых, визит С.К. Тимошенко и Г.К. Жукова к И.В. Сталину в 9 часов не соответствует записям посещения. Из них следует, что в период с 9 до 14 часов И.В. Сталин принимал в основном членов Политбюро и Центрального комитета партии, после чего в 12 часов по радио выступил В.М. Молотов. С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков и Н.Ф. Ватутин были приняты И.В. Сталиным только в 14 часов 22 июня и пробыли в кабинете вождя до 16 часов. В то время там уже 45 минут находился Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников. Позже к Сталину были вызваны нарком Военно-морского флота адмирал Н.Г. Кузнецов и начальник Главного артиллерийского управления РККА Маршал Советского Союза Г.И. Кулик. Видимо, именно тогда Г.К. Жуков, Б.М. Шапошников и Г.И. Кулик получили распоряжение о выезде на фронты.

Правда, сам Г.К. Жуков пишет, что это произошло вскоре после 13 часов 22 июня. Далее он пишет: «Я позвонил домой, чтобы меня не ждали, и минут через 40 был уже в воздухе... К исходу дня я был в Киеве, где меня ждал Н.С. Хрущев. Он сказал, что дальше лететь опасно... надо ехать на машинах. Получив от Н.Ф. Ватутина по ВЧ последние данные обстановки, мы выехали в Тернополь... На командный пункт прибыли поздно вечером...» (*Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 250*).

Таким образом, вторую половину дня 22 июня начальник Генерального штаба Г.К. Жуков провел в пути, и только к исходу этого дня он прибыл на командный пункт Юго-Западного фронта в Тернополь. Там он пробыл до 26 июня, после чего возвратился в Москву.

Итак, в первые дни войны И.С. Конев находился в штабе 19-й армии в районе Черкасс. Нетрудно догадаться, чем он занимался в это время. Разбросанные по территории соединения и отдельные части нужно было привести в полную боевую готовность, вывести в запасные районы, принять мобилизационный ресурс, пополнить запасы материальных средств, организовать управление и многое другое.

Далее Иван Степанович пишет: *«На второй или третий день нарком обороны С.К. Тимошенко вызвал меня по ВЧ и приказал всей армии форсированным маршем следовать в район города Киева. Поставил задачу: занять оборону по рубежу бывшего Киевского УРа, по реке Тетерев и далее по периметру этого укрепленного района».*

Отдав приказ войскам о выходе в район Киева (23 или 24 июня. – *Авт.*), я с начальником штаба Рубцовым и членом Военного совета Шеклановым с первым эшелоном штаба на автомашинах выехал в Киев. По прибытии в Киев, не теряя времени, получил ориентировку от заместителя командующего округом Яковлева и тут же выехал на рекогносцировку укрепленного района.

К моему великому удивлению, в Киеве никаких войск не было, кроме артиллерийского училища под командованием генерала С.С. Волкенштейна. *Киевский укрепленный район, который строился еще в мирное время, был в запущенном состоянии, все заросло травой и бурьяном, пулеметные и артиллерийские бетонированные сооружения не имели оружия.* Личный состав, офицеры и солдаты, призывались из запаса. Видимо, в последние годы считали, что Киевский УР не нужен. Не хочу кого-либо в этом обвинять, но получилось так, что новые УРы по государственной границе еще не были готовы, а старые были уже в состоянии, мягко говоря, консервации.

Увидев столь безотрадную картину, я поехал в ЦК Компартии Украины к секретарям ЦК М.А. Бурмистренко и Д.С. Коротченко, Информировал их о задаче 19-й армии, о состоянии оборонительного рубежа перед Киевом, попросил их немедленно мобилизовать население для строительства обороны вокруг Киева... Мной был отдан приказ войскам 19-й армии занять оборону по рубежу старого УРа и высотам, прикрывавшим подступ к Киеву».

Правда, долго 19-я армия под Киевом не оставалась. 25 июня Ставка Главного командования приняла решение образовать группу армий резерва в составе 19, 20, 21-й и 22-й армий, развернув их на рубеже Невель, Витебск, Гомель, Чернигов. В тот же день штаб 19-й армии получил соответствующую директиву, а ее соединения и части начали перемещение в указанные районы.

Из воспоминаний И.С. Конева: «В момент, когда управление армии и ее головные части уже подходили форсированным маршем к Киевскому укрепрайону, меня вновь вызвал по ВЧ нарком обороны С.К. Тимошенко и спросил, может ли моя армия “передвигаться бегом”. Создалась очень сложная обстановка на западном, московском направлении. С.К. Тимошенко передал следующее распоряжение: “Положение на Западном фронте угрожающее. Противник продолжает развивать наступление на Смоленск. Армию по тревоге грузить в эшелоны в том порядке, в каком части будут подходить к станциям погрузки, и перебрасывать на западное направление, в район Рудни, Орши и Смоленска. С прибытием управления армии на Западный фронт лично получите указания в штабе фронта”. Разумеется, никакого плана перевозки составить было невозможно и все делалось в порядке распорядительном.

В первую очередь на станции Дарница было погружено управление 19-й армии с полком связи. Были отданы распоряжения о погрузке частей армии на тех станциях, к которым войска подходили, выполняя приказ занять Киевский оборонительный район. В первые эшелоны были погружены некоторые дивизии, средства управления, тыловые части и подразделения, а главные силы пришлось отправлять позже, по мере их подхода к железнодорожным станциям...»

Таким образом, и Г.К. Жуков, и И.С. Конев в первые дни Великой Отечественной войны находились на территории Киевского Особого военного округа, на базе которого был развернут Юго-Западный фронт. В это время служебное положение их существенно отличалось: Г.К. Жуков выступал как представитель Главного командования и начальник Генерального штаба РККА, И.С. Конев – как командующий одной из армий. Кроме того, в первые дни войны Г.К. Жуков и И.С. Конев между собой не общались, хотя второй выполнял директивы начальника

Генерального штаба. Но 25 июня он получил новую задачу, в связи с чем на определенное время из-под контроля Генерального штаба вышел.

Во главе западного фронта

6 сентября штаб фюрера очередной директивой поставил перед группой армий «Центр» задачу: «Подготовить решающую операцию против группы армий Тимошенко (Западный фронт. – *Авт.*), чтобы по возможности быстрее (конец сентября) перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося восточнее Смоленска, посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах». Также в этой директиве было указано, что «после того как основная масса войск Западного фронта будет разгромлена, группа армий “Центр” должна начать преследование противника, отходящего на московском направлении, примыкая правым флангом к р. Ока, а левым к верхнему течению р. Волги».

Во исполнение этой директивы командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Ф. фон Бок 16 сентября направил подчиненным ему войскам свою директиву о подготовке наступления на Москву, которая получила кодовое наименование «Тайфун». В рамках этой стратегической операции в качестве ближайшей задачи предписывалось ударами двух танковых групп окружить советские войска западнее Москвы, в районах Брянска и Вязьмы.

12 сентября 1941 года генерал-полковник И.С. Конев был назначен командующим Западным фронтом. «Прибыв в штаб фронта... я уже не застал там командующего фронтом маршала С.К. Тимошенко. Он был назначен главнокомандующим Юго-Западного направления и уже отбыл к месту своего назначения, так что принять дела от своего предшественника мне не удалось, – вспоминал И.С. Конев. – Передачу фронта и ориентирование в задачах и обстановке осуществлял начальник штаба фронта генерал Василий Данилович Соколовский».

Доклад Соколовского был не полный, так как сведения о противостоящем противнике были весьма противоречивые. Поэтому приходилось ограничиваться докладом о составе и положении собственных войск.

На то время в состав фронта входило шесть армий и ряд отдельных частей. Авиационная группировка фронта состояла из пяти дивизий и авиационного разведывательного полка. Эти войска оборонялись в полосе до 340 километров по линии Осташково, Андреанополь, Ярцево, западнее Ельни. В первом эшелоне из 38 дивизий находилось 23 дивизии, в том числе 2 кавалерийские. Остальные 8 стрелковых, 2 танковые, 1 кавалерийская дивизии, также 5 танковых бригад составляли армейские и фронтовой резервы. Всего в танковых формированиях фронта насчитывалось 450 танков, подавляющая часть которых были Т-26 и БТ-7. Таким образом, средние оперативные плотности составляли около 10 километров на одну стрелковую (кавалерийскую) дивизию и 1,3 танка на один километр фронта.

Состояние стрелковых соединений было крайне неудовлетворительным. Позже И.С. Конев вспоминал: «Мне было ясно, что войска Западного фронта ослаблены, имеют недостаточную численность, были полки, которые насчитывали всего 120 человек, в некоторых дивизиях осталось по 7–8 орудий. Мы испытывали недостаток в артиллерии, в противотанковых средствах, даже бутылок с горючей смесью не хватало, а в то время они были основным средством борьбы с танками. Были и такие части, где не доставало стрелкового оружия. К моменту, когда я принял фронт, запасный полк, например, совсем не имел винтовок...»

В Красной армии утвердился такой порядок, что командир или командующий, назначенный на новую должность, сразу же становится ответственным за все происходящее в его части, соединении или объединении. С одной стороны, это, конечно, правильно: «взялся за гуж – не говор, что не дуж». Но с другой – вначале нужно во всем разобраться, а масштаб «хозяйства» уж слишком разный. Но в сентябре 1941 года времени на раскачку ни у кого не было.

И.С. Конев вспоминал: «На третий день моего пребывания на Западном фронте (примерно 15 сентября. – *Авт.*) меня вызвали в Ставку. Встреча со Сталиным произошла в присутствии членов Государственного Комитета Обороны. И.В. Сталин предложил мне доложить о состоянии фронта и о положении войск...»

О качестве и содержании этого доклада можно только догадываться. По всей вероятности, он был весьма слабым, особенно в отношении положения войск противника, вероятных замыслов его командования. Поэтому «Ставка на этом совещании не обсуждала со мной задачи фронта, ничего не было сказано об усилении фронта войсками и техникой, не затрагивался вопрос и о возможности перехода фашистских войск в наступление...». Вероятнее всего, командующего Западным фронтом вызывали в Москву для того, чтобы с ним ближе познакомиться и дать ему понять, что отныне все его действия регулярно отслеживаются на самом высоком уровне.

Далее И.С. Конев пишет, что «вернувшись в штаб фронта, я занялся практическими делами. Оценивая создавшуюся обстановку, мы не могли не видеть, что противник готовится возобновить наступление. Данные нашей разведки свидетельствовали о том, что враг подтягивал к фронту свежие силы... Однако о группировке противника и направлениях вероятных его ударов в штабе фронта к тому времени еще не было достаточных данных» (Военно-исторический журнал. 1966. № 10. С. 56–57).

Таким образом, приняв командование фронтом генерал И.С. Конев оказался в очень трудном положении. Ставка требовала от него конкретных решений, а он даже не имел точных данных о противостоящем противнике.

Таким образом, задача, связанная с разведкой противника, стала одной из главных для нового командующего Западным фронтом, и решать ее нужно было безотлагательно и на всех уровнях. И.С. Конев вспоминал: «19 сентября мы дали директиву командармам, в которой указывалось, что агентурой и авиационной разведкой установлен подход к фронту новых частей противника, в частности в районе Духовщины на стыке 19-й и 16-й армий, в районе Задня – Кардымово и на левом фланге 20-й армии. Приказывалось на участках всех армий активизировать непрерывную боевую работу всех видов разведки, главным образом ночью, сильными отрядами (усиленная рота, батальон); действиями разведки и отдельных отрядов держать противника в постоянном напряжении, проникать в его тыл, дезорганизовывать работу штабов. Приказывалось уточнить группировку противника, его стыки, резервы перед фронтом армий и его ближайшие намерения». Эти действия увенчались успехом. Уже к 23 сентября 1941 года «в штабе фронта на основании данных разведки сложилось твердое мнение, что противник готовится к наступлению и создает для этого крупную группировку войск перед Западным и Резервным фронтами».

В это же время по приказу командующего фронтом был осуществлен ряд мероприятий, связанных с усилением обороны. К ним относится в первую очередь переход на траншейную оборону. Войска Западного фронта напряженно строили инженерные укрепления, «залезали в землю».

Нужно сказать, что траншеи впервые появились именно на Западном фронте и в период обороны под Москвой. До этого в Красной армии была разработана несколько другая организация инженерных сооружений с так называемыми ячейками – отдельными окопами для одного солдата, с которой Красная армия и вступила в войну. И это при том, что еще Первая мировая война показала, что это неправильно, так как и солдат и командир при такой системе лишены возможности маневра в бою. Нужно было возвращаться к системе траншейной обороны.

Особое внимание на Западном фронте было обращено на организацию системы огня противотанковой артиллерией. Навыки борьбы с немецкими танками, полученные в августовские дни, подсказали необходимость создавать противотанковые районы, которые размещали на наиболее вероятных направлениях прорыва вражеских танков и эшелонировали в глубину.

Одновременно велась большая работа по ремонту вооружения и боевой техники, особенно танков и артиллерийских орудий, которые после восстановления немедленно возвращались в строй.

Между тем Ставка предпринимала усилия для того, чтобы стабилизировать советско-германский фронт за счет маневра силами и средствами с одного направления на другое.

24 сентября И.С. Конев был вызван к телефону для переговоров с начальником Генерального штаба РККА Маршалом Советского Союза Б.М. Шапошниковым.

– В связи с переходом вами к временной обороне Верховный главнокомандующий считает необходимым взять от вас в свой резерв две дивизии, – сказал Шапошников. – Эти дивизии должны быть достаточно укомплектованы и с артиллерией. Какие дивизии вы можете выделить?

Вопрос, что называется, в лоб.

– Докладываю: ни одной дивизии укомплектованной нет. Все дивизии, выведенные в резерв, слишком малочисленны, а укомплектование еще не прибыло, – сказал Конев, а затем, немного подумав, добавил: – Смогу выполнить ваше распоряжение не раньше чем через пять дней по прибытии пополнения.

– Какой численности эти дивизии, какие номера и кто ими командует? – продолжал настаивать Шапошников.

И.С. Конев ответил, что «с большим ущербом для фронта» сможет выделить 64-ю стрелковую дивизию полковника Грязнова и 1-ю мотострелковую дивизию Героя Советского Союза Лизюкова. Но при этом попросил разрешения 10-ю танковую дивизию из-за отсутствия танков переформировать в мотострелковую.

Данный разговор довольно ясно характеризует обстановку, состояние обороны и положение войск Западного фронта к двадцатым числам сентября 1941 года.

Благодаря разведке всех видов намерения противника в ближайшее время начать крупное наступление в полосе Западного фронта становились все очевиднее. 26 сентября по приказу И.С. Конева штаб фронта направил новое донесение Верховному главнокомандующему И.В. Сталину и начальнику Генерального штаба маршалу Б.М. Шапошникову. В нем, в частности, было указано:

«Данными всех видов разведки и опросом пленного фельдфебеля летчика-истребителя устанавливается следующее:

1. Противник непрерывно подводит резервы из глубины по жел. д. Минск – Смоленск – Кардымово и по шоссе Минск – Смоленск – Ярцево – Бобруйск – Рославль.

2. Создает группировки: против Западного фронта на фронте 19, 16 и 20-й армий в районе Духовщины, Ярцева, Соловьевской переправы, ст. Кардымово, Смоленска и против Резервного фронта в районе Рославля, и на спас-деменском направлении.

3. По показаниям пленного летчика, противник готовится к наступлению в направлении Москвы, с главной группировкой вдоль автомагистрали Вязьма – Москва. Противник подтянул уже до 1000 танков, из них около 500 в районе Смоленск – Починок...

4. Начало наступления 1 октября. Руководить операцией на Москву будут Кейтель и Геринг, прибытие которого на днях ожидается в Смоленске. Авиация для этой операции перебрасывается из-под Ленинграда и Киева. Войска перебрасываются из Германии и киевского направления...»

Ставка Верховного внимательно отнеслась к докладу командующего Западным фронтом, но при этом ничем существенно оказать ему помощь не могла. Был подтвержден приказ «воспрепятствовать наступлению врага имеющимися силами» и обещана поддержка наземных войск авиацией резерва Главного командования.

Но Иван Степанович и не рассчитывал на другое. Поэтому в тот же день, 26 сентября, он отдал приказ всем командующим армиями фронта готовиться к упорной обороне. Этот приказ требовал:

1. Закопать все прочно в землю, вырыть окопы полного профиля и несколько линий с ходами сообщения, построить проволочные заграждения, противотанковые препятствия, дзоты.

2. За счет развития оборонительных сооружений постепенно увеличивать армейские резервы, которые готовить для нанесения контрударов по прорвавшемуся противнику по двум основным направлениям:

- а) на ржевском операционном направлении в районе Белый силами 107-й мотострелковой дивизии, находившейся в резерве фронта, и 251-й стрелковой дивизии 30-й армии, а в случае необходимости и 243-й стрелковой дивизии 29-й армии;

- б) на вяземском операционном направлении к западу от Вадино и Издешково силами соединений фронтового подчинения в составе 134-й, 152-й стрелковых, 101-й мотострелковой дивизий и 45-й кавалерийской дивизии, а также 126, 128-й и 143-й танковых бригад, которые к 1 октября будут сосредоточены в районе Вадино. При этом указывалось, что «контрудар на этом направлении будет поддержан 16-й и 19-й армиями и всеми силами ВВС фронта».

Кроме того, в данном приказе «при неуспешности контрударов» был предусмотрен организованный отход войск на заранее «подготовленный армейский тыловой рубеж по рекам Вопь и Вопец и далее Анисимово, Красный Холм, Неквасино с созданием необходимых резервов для устойчивой обороны».

Данное решение было доложено Б.М. Шапошникову 28 сентября. В ответ Ставка только смогла направить командованию фронта очередную директиву общего характера.

Таким образом, перед войсками Западного фронта в конце сентября 1941 года была поставлена сложная и ответственная задача по отражению мощного удара противника на московском направлении. На первый взгляд она упрощалась тем, что эта задача должна была решаться также и силами Резервного фронта. Но здесь возникали новые трудности. По какой-то причине Генеральный штаб не информировал Западный фронт о задачах Резервного фронта и недостаточно осуществлял координацию действий этих двух фронтов, несмотря на то что две армии Резервного фронта располагались в первом эшелоне в одной линии с армиями Западного фронта, и то того, насколько прочно они смогут удерживать свои позиции, во многом зависело положение армий левого крыла Западного фронта. При этом разграничительные линии между армиями этих двух фронтов четко определены Ставкой не были, и взаимодействие между фронтами по совместной обороне организовано не было.

7 октября командование группы армий «Центр» отдало приказ о продолжении наступательной операции на московском направлении. 14 октября штаб этой группы уточнил задачи подчиненным войскам, указав конечные рубежи операции. Из этого документа следовало, что фашисты рассчитывали не только захватить Москву, но и основными силами выйти на рубеж Рязань, Орехово-Зуево, Загорск, Волжское водохранилище, передовыми частями достичь линии восточнее Рязань, Юрьев-Польский, Переяславль-Залесский и далее по реке Нерли до Волги севернее Кимр, а моторизованными даже захватить Ярославль и Рыбинск. Для решения этой задачи была создана миллионная группировка войск в составе 77 дивизий (из них – 14 танковых и 8 моторизованных), около 2000 танков, до 1000 самолетов, тысячи орудий и минометов и других видов боевой техники. Непосредственно против Западного фронта враг имел 48 отборных, хорошо укомплектованных дивизий.

На то время войска Западного фронта, обороняясь в полосе 340 километров, имели 30 слабо укомплектованных стрелковых дивизий, 2 мотострелковые, 3 кавалерийские дивизии и 4 танковые бригады. Советские войска существенно уступали противнику по численности танков, артиллерии, авиации, большой недостаток войска ощущали в зенитной и противотан-

ковой артиллерии и, главное, в подвижности войск. Расчет в таком случае приходилось делать исключительно на мудрость командиров и стойкость войск.

Наступление противника против войск Западного и Резервного фронтов началось на рассвете 2 октября с сильной артиллерийской и авиационной подготовки, которая проводилась на всю глубину построения фронта. Вслед за ней последовала атака переднего края силами пехоты и танков.

Основной удар силами 3-й танковой группы и пехотных дивизий 9-й армии противник нанес в направлении Канютино, Холм-Жирковский, т. е. в стык 30-й и 19-й армий. Для того чтобы представить силу этого удара врага, достаточно сказать, что против четырех стрелковых дивизий 30-й армии противник ввел в сражение 12 дивизий, из них три танковые и одну моторизованную, в составе которых имелось 415 танков.

Безусловно, стрелковые соединения выдержать удар такой силы не могли. Противнику удалось прорвать фронт обороны советских войск и к исходу дня 2 октября продвинуться в глубину на 10–15 километров.

И.С. Конев решил отразить этот удар и восстановить положение ответным контрударом резервов 30-й и 19 армий и частью сил фронтового резерва, объединенных в группу под командованием заместителя командующего фронтом генерала И.В. Болдина. Всего в состав этой группы входили одна стрелковая, одна танковая дивизии и три танковые бригады (всего до 250 танков старых образцов).

Контрудар был проведен 3 октября, однако по ряду причин успеха не имел. Как это было и ранее, выделенные для его проведения соединения и части на рубежи перехода в наступление выходили не одновременно, предварительное огневое поражение противника отсутствовало, да и сам противник не был разведан должным образом. Правда, в последующем И.С. Конев писал, что неудача контрудара объяснялась тем, что «противник имел явное численное превосходство над нашей группировкой, наносившей контрудар».

Наступление противника продолжалось. Его передовые части овладели Холм-Жирковским и вышли в район южнее Булышова, где оборонялась 32-я армия Резервного фронта. На Спас-деменском направлении войска 4-й немецкой танковой группы и 4-й армии, тесня к востоку и северу соединения 43-й и 33-й армий, 4 октября вышли в район Спас-Деменск, Ельня. В результате этого 20, 16-я и 19-я армии Западного фронта и 32-я армия Резервного фронта оказались под угрозой охвата с обоих флангов.

Положение было крайне угрожающим. 4 октября И.С. Конев был вынужден доложить об этом И.В. Сталину. Тот выслушал его молча и, не принимая никакого решения, положил трубку. Такая реакция Верховного главнокомандующего для командующего фронтом не сулила ничего хорошего...

И.С. Конев хорошо понимал это. Он немедленно связался по «Бодо» с начальником Генерального штаба Б.М. Шапошниковым и более подробно доложил ему обстановку. После этого он попросил разрешения отвести войска Западного фронта на гжатский оборонительный рубеж. Б.М. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит о нем Ставке. Однако решения Ставки в тот день не последовало.

Тогда И.С. Конев принял решение своим приказом отвести войска на указанный рубеж на том основании, что это было предусмотрено его первоначальным решением, которое 5 октября было утверждено Ставкой. Соответствующие приказы немедленно были отданы войскам 30, 19, 16 и 20-й армий. При этом командующему 16-й армией генералу К.К. Рокоссовскому было приказано передать свою полосу 20-й армии генерала Ершакова, а самому с управлением армии и необходимыми средствами связи прибыть форсированным маршем не позднее утра 6 октября в Вязьму с задачей: задержать наступление противника на Вязьму из района Спас-Деменска «и не пропустить его севернее рубежа Путьково, Крутые, Дрожжино, имея в виду создание группировки и дальнейший переход в наступление в направлении Юхнов».

Для выполнения этой задачи в районе Вязьмы 16-я армия получала на усиление 50, 73, 112, 38 и 229-ю стрелковые дивизии, 147-ю танковую бригаду, дивизион реактивных установок «катюша», полк противотанковой артиллерии и полк артиллерии резерва Главного командования. К сожалению, значительная часть этих сил к назначенному сроку в Вязьму прибыть не успела.

В тот же день, то есть 5 октября, Ставка наконец-то передала в состав Западного фронта 31-ю и 32-ю армии Резервного фронта. Обе эти армии до того времени находились на формировании в резерве Ставки, на значительном удалении от переднего края обороны войск Западного фронта.

Между тем под давлением противника войска Западного фронта продолжали отходить от рубежа к рубежу. Первый промежуточный рубеж был намечен на Днепре, где были подготовлены позиции Резервным фронтом. 7 октября танковые и моторизованные корпуса противника с севера и юга подошли к Вязьме и замкнули кольцо окружения вокруг войск, находившихся в этом районе. в окружении оказались 16 дивизий из 19, 20 и 32-й армий Западного фронта, а также остатки дивизий 24-й армии Резервного фронта и понесшие большие потери части группы Болдина.

Оказать помощь окруженным войскам ударом извне Западный фронт не мог. Поэтому 8 октября И.С. Конев отдал приказ окруженным войскам пробиваться в направлении Гжатска. Руководить прорывом большей части окруженных войск в этом направлении было поручено командующему 19-й армией генералу М.Ф. Лукину. Командующему 20-й армией Ершакову было дано указание пробиваться в юго-западном направлении, из расчета выхода на тылы немецкой группировки, которая к этому времени главными силами выдвигалась в район Вязьмы.

В то время как драматические события разворачивались в районе Вязьмы, 22, 29 и 31-я армии правого крыла Западного фронта, продолжая отход, вышли на рубеж Селижарово, Ельцы, Оленино, Сычевка. Командный пункт фронта также был вынужден постоянно перемещаться на восток.

В ночь на 6 октября И.С. Конев вместе с членом Военного совета фронта Н.А. Булганиным выехали в Гжатск для встречи с командующим Резервным фронтом С.М. Буденным. Там, к своему удивлению, они узнали, что 49-я армия этого фронта, которая, по данным Генерального штаба РККА, в это время должна была находиться на втором рубеже обороны Сычевка, Гжатск, к этому времени уже погружена в эшелоны и отправлена на Юго-Западное направление. В результате этого никаких войск Резервного фронта на указанном рубеже не осталось. Пришлось в срочном порядке приказывать К.К. Рокоссовскому, который в это время с управлением 16-й армии находился в районе Гжатска, принимать в свое подчинение все части, выходящие с запада к рубежу Гжатска, и те, которые будут подходить с тыла, для того чтобы организовывать оборону на рубеже Сычевка, Гжатск и южнее этого города.

10 октября в район Красновидово, западнее Можайска, куда с разрешения Ставки был переведен штаб Западного фронта, прибыли В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.М. Василевский и другие работники Ставки. В.М. Молотов, ссылаясь на приказ И.В. Сталина, начал требовать немедленного вывода войск из окружения в районе Вязьмы на гжатский рубеж. Кроме того, он требовал шесть дивизий из этой группировки передать в резерв Ставки для их последующего развертывания на можайской линии обороны.

И.С. Конев доложил, что уже принял все необходимые меры для вывода войск из окружения, а также отдал распоряжение командармам 22-й и 29-й армий выделить пять дивизий во фронтовой резерв и перебросить их в район Можайска. При этом он был вынужден признать, что из этих дивизий в силу сложившейся обстановки к можайской линии смогла выйти только одна.

Позже И.С. Конев писал: «Мне было ясно, что Молотов не понимает всего, что случилось... Его прибытие в штаб фронта, по совести говоря, только осложняло и без того трудную ситуацию».

Таким образом, в течение месяца, командуя войсками Западного фронта, И.С. Конев находился на направлении главного удара противника, который рвался к Москве. Ему не удалось остановить наступление противника и избежать окружения его войск. В то же время как командующий фронтом он сделал многое для того, что стабилизировать оборону советских войск и усилить ее качественно.

Первая опала И.С. Конева

В сентябре и начале октября 1941 года Г.К. Жуков находился в Ленинграде в качестве командующего Ленинградским фронтом. 5 октября он был вызван по прямому проводу И.В. Сталиным, который в срочном порядке вызвал его в Москву. 7 октября, сразу же по прилете, он, по его воспоминаниям, поехал на квартиру к И.В. Сталину, который находился там по причине болезни гриппом.

– Я не могу добиться от Западного фронта исчерпывающего доклада об истинном положении дел, – пожаловался Иосиф Виссарионович. – Мы не можем принять решений, не зная, где и в какой группировке наступает противник, в каком состоянии находятся наши войска. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда в любое время. Я буду ждать...

Г.К. Жуков на короткое время заехал в Генеральный штаб к Шапошникову, где взял специально подготовленную для него карту западного направления, вероятно с последними данными по обстановке, а в штаб Западного фронта приехал уже ночью.

Читаем «Воспоминания...» Г.К. Жукова дальше.

«Из беседы в штабе Западного фронта и анализа обстановки у меня создалось впечатление, что катастрофу в районе Вязьмы можно было бы предотвратить. Несмотря на превосходство врага в живой силе и технике, наши войска могли избежать окружения. Для этого необходимо было своевременно более правильно определять направление главных ударов противника и сосредоточить против них основные силы и средства за счет пассивных участков. Это сделано не было...

В 2 часа 30 минут 8 октября я позвонил И.В. Сталину... доложив обстановку на Западном фронте...»

Хочу подчеркнуть, что, по воспоминаниям Г.К. Жукова, эта встреча с И.В. Сталиным произошла 7 октября, а приезд в штаб Западного фронта – ночью 8 октября. Там он быстро разобрался в обстановке, доложил ее И.В. Сталину и с его разрешения сразу же отбыл в штаб Резервного фронта, куда и прибыл утром того же дня (*Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 321–322*).

При этом возникает ряд вопросов.

Во-первых, почему-то сам И.С. Конев о приезде Г.К. Жукова в штаб Западного фронта 8 октября ничего не вспоминал. Зато он утверждал, что именно 8 октября он отдал приказ окруженным под Вязьмой войскам пробиваться в двух направлениях, и о полном разгроме их в то время речи еще не шло.

Во-вторых, детально разобраться с обстановкой в масштабе фронта, которая неясна Верховному главнокомандующему и Генеральному штабу (командующий фронтом обязан докладывать ее в конце каждого дня), невозможно.

На основании этого можно сделать также несколько выводов.

Первый – Г.К. Жукова в штабе Западного фронта в указанное время не было.

Второй – именно Г.К. Жуков стал инициатором прорыва, который не достиг поставленных целей, о чем он в последующем предпочитал не вспоминать. И это понятно – потери Красной армии убитыми, ранеными и пропавшими без вести в Вяземском котле были огромны. На 1 октября 1941 года боевой состав 16, 20-й и 24-й армий насчитывал почти 240 тысяч человек. Вырваться из окружения удалось, по официальным данным по этим армиям, семи с половиной тысячам человек. Остальные либо погибли, либо были пленены противником.

10 октября в районе Калуги Г.К. Жукова разыскал офицер связи и вручил ему телефонограмму начальника Генерального штаба, в которой было приказано 10 октября прибыть в штаб

Западного фронта, где в то время работала комиссия Государственного Комитета Обороны. По прибытии туда Георгий Константинович сразу же был вызван к телефону. Звонил И.В. Сталин.

– Ставка решила назначить вас командующим Западным фронтом. Конев остается вашим заместителем. Вы не возражаете?

– Нет, какие же могут быть возражения! Коневу, я думаю, следует поручить руководство группой войск на калининском направлении. Это направление слишком удалено, и там нужно иметь вспомогательное управление фронта.

– Хорошо, – согласился И.В. Сталин...» (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 325–326).

В итоге 10 октября 1941 года И.С. Конев был отстранен от командования Западным фронтом, а на эту должность был назначен Г.К. Жуков.

Само назначение командующим Западным фронтом Г.К. Жуков в 1964 году описал следующим образом:

«Начав наступление 2 октября 1941 года на Московском направлении, группа армий “Центр” сумела быстро прорвать оборону Западного и Резервного фронтов и окружить значительную часть войск этих двух фронтов. Командовавший Западным фронтом генерал-полковник И.С. Конев (член Военсовета Н.А. Булганин, начальник штаба генерал-лейтенант Соколовский) не сумели вывести из окружения большую часть войск фронта. То же произошло и на Резервном фронте, которым командовал С.М. Буденный (член Военсовета Мехлис, начальник штаба Боголюбов), вследствие чего на Московском направлении сложилась катастрофическая обстановка.

Сталин позвонил мне в Ленинград 8 октября и приказал немедленно прибыть в Москву в связи со сложившейся обстановкой.

Прибыв в Ставку, я тотчас же был принят Сталиным. Сталин выглядел, как никогда, растерянным. *Указав на карту обстановки, он сказал: “Смотрите, что Конев нам преподнес. Немцы через три-четыре дня могут подойти к Москве. Хуже всего то, что ни Конев, ни Буденный не знают, где их войска и что делает противник. Конев надо судить. Завтра я пошлю специальную комиссию во главе с Молотовым”.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.